

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

КУПАВА ОГИНСКАЯ

ЗАПИСКИ
МЕЖДУ СТРАНИЦ

Прикладная некромантия

Annotation

Когда ты рыжая, нужно помнить, что ты всегда крайняя и во всем виновата. Не лезть на рожон и радоваться, что жизнь протекает тихо и спокойно, а самая худшая неприятность — недоброе внимание одного злопамятного некроманта.

И уж точно совсем не стоит забираться в закрытый склеп в компании не вызывающих доверия студентов, тревожить давно погибшего магистра и активировать старинный артефакт. В противном случае неприятности не заставят себя ждать и ворвутся в жизнь неожиданным лунатизмом и изматывающими кошмарами.

Когда ты рыжая, нужно радоваться, что ты по крайней мере не ведьма. Хотя...

Купава Огинская

Прикладная некромантия. Записки между страниц

* * *

Это началось не сегодня. Это началось три года назад, когда число неприятностей, которые могли бы со мной произойти, добралось до критической точки. И несчастливая встреча со злопамятным некромантом оказалась последней в списке.

Кто же знал, что на долгие годы это окажется самой главной моей проблемой, потеснившей все остальные? Это началось не сегодня. Сегодня это всего лишь продолжается.

Почему мох черный?

Я стояла, вздрагивая на ветру, перед высокими коваными воротами, за которыми находилось кладбище, где мне в теплой компании оживленцев предстояло провести всю ночь.

И интересовал меня лишь один маловажный вопрос: почему этот чертов мох на этих чертовых воротах черный?

Так интригующие меня старые ворота неприветливо поскрипывали на холодном осеннем ветру. Безлунная и беззвездная, эта ночь была одной из тех, в которые хочется сидеть в теплой комнате и греть руки о чашку с горячим чаем, слушая завывание ветра за окном.

Мне, как это водится уже третий год кряду, не везло просто зверски. И в этот раз невезение вышло на новый виток. Кто бы сомневался?

— Ну, чего же ты застыла? — Язвительная насмешка в голосе, которую Асвер даже не пытался скрыть, выводила из себя.

Идея его мне не понравилась с самого начала. И даже возможность избавиться от навязчивого и далеко не приятного внимания одного не в меру деятельного некроманта казалась недостаточной платой за мои мучения. Но я все равно согласилась. Потому что дура и с головой иногда совсем не дружу.

— Давай-ка проясним напоследок. Я ночью на кладбище, а ты больше меня не достаешь. Забываешь, что я существую и как меня зовут. Так? — громко и четко проговорила я, чтобы все, кто здесь собрался, точно расслышали каждое слово. А то мало ли что... Я буду торчать всю ночь среди могил, а наутро окажется, что все это было исключительно моей идеей. И никто ничего мне за это не обещал.

— А у тебя проблемы с памятью? — усмехнулся Асвер.

— Нет, просто хочу, чтобы все были в курсе нашего договора. — Я улыбнулась вполне искренне, обведя рукой внушительную группу любопытных студентов. Даже поздний час и откровенно мрачный пейзаж вокруг не смогли охладить их желания повеселиться за чужой счет. В этот раз развлекать всех предстояло мне.

Впрочем, благодаря Асверу студенты очень часто веселились за мой счет. Впору было взимать за это плату.

Асвер широко улыбнулся и, повысив голос, нагло глядя мне в глаза, отдельно произнес:

— Ты. Ночуешь. На. Кладбище. Я. Оставляю. Тебя. В. Покое. — После чего добавил: — Если же по какой-то причине ты покинешь кладбище раньше рассвета, то будешь должна мне желание. Видишь, я все помню.

— Умница. — Оскалившись не хуже его, я протянула руку, стремясь закрепить спор рукопожатием.

Сжав мою ладонь, Асвер хорошенько потряс ее, с совершенно непроницаемой миной глядя на меня сверху вниз. Выбеленные волосы ерошил ветер, но выглядел он предельно серьезным даже с лезущими в глаза прядями.

Озябшая и раздраженная, я была так поглощена своими переживаниями, что не смогла разглядеть нехорошего блеска его глаз. Черные, как и у любого некроманта, они мерцали красноватыми всполохами, и мне бы стоило насторожиться, но я этого не сделала. Мысленно

я уже была на кладбище и пыталась придумать достаточно действенный способ не замерзнуть насмерть среди могил. Как ни крути, но это не самая лучшая смерть, особенно для будущей целительницы.

— Готово! — К нам с предвкушающей улыбкой на бледных губах приблизился запыхавшийся Октай — лучший друг моего кошмара, что уже по определению делало его моим злейшим врагом. В руках он держал молочно-белый камень. — Все кристаллы на местах. Осталось только положить последний.

Асвер кивнул:

— Тебе, кажется, пора. Если, конечно, ты не готова признать поражение уже сейчас. Тогда мы просто вернемся в теплое общежитие.

— А я буду должна тебе желание?

Некромант кивнул, подтверждая мои самые страшные опасения. И я, не сдержавшись, сунула ему под нос кукиш, дополнив и так понятную картину решительным:

— Не дождешься. Я готова.

Быстро, не давая себе времени передумать, я ступила на территорию кладбища. Маленькая калитка, вырезанная прямо в огромных воротах, закрылась за мной со зловещим скрипом, не прибавляя мужества.

Октай опустил камень перед закрытой калиткой. По железным прутьям прошлась белая волна магии. Теперь, если мне вдруг по каким-то причинам понадобится покинуть кладбище раньше положенного срока, об этом узнает Октай, а значит, и Асвер.

По спине пробежали холодные мурашки, заставив поежиться. Вроде бы меня никто не запирает и выйти я могла в любое время, и в то же время не могла. Лучше уж стать обедом какому-нибудь умертвию, чем должницей Асвера.

— Ну что, я пошла.

Кому именно я это говорила, не знаю, наверное, самой себе, но ответил мне вездесущий некромант:

— Хорошо тебе развлечься, Ларс. Постарайся сильно не пугать умертвий. Им и так не сладко живется.

Проигнорировав издевательское напутствие, я сделала первый шаг. Блеклый светлячок лениво полетел за мной, дрожа на ветру.

От ворот я шла медленно. Чеканя шаг, стараясь не обращать внимания на тяжелый взгляд в спину. Показывать свой страх я не собиралась. Только не этому злонамеренному гробокопателю с отвратительным характером.

План мой был прост: выдержать одну ночь среди могил. Если повезет и неупокоенных там не окажется, все пройдет гладко. Если повезет не очень и пара поднявшихся умертвий все же будет бродить по территории, ночь моя пройдет гораздо бодрее, чем мне бы того хотелось. Но покидать пределы кладбища до утра я не собиралась. Категорически.

Моего энтузиазма и веры в собственные силы хватило часа на четыре. Время давно перевалило за полночь, до рассвета оставалось еще примерно столько же, и только это придавало сил.

Бродя по узким тропинкам среди могил, я уже устала бояться и только лениво поворачивалась на звук, оповещающая копошащихся в кустах или шуршащих за деревьями:

— Я не вкусная, не питательная и вообще ядовитая. Ползите дальше.

После чего возобновляла движение, не опасаясь, что на меня набросится оголодавшее умертвие. За четыре часа еще никто не набросился, и я уже совершенно точно уверилась, что

оживленцев поблизости нет. А бродячих собак я не боялась.

Каково же было мое удивление, когда кусты ответили мне сиплым, простуженным голосом:

— Я тоже. А еще у меня бактерии. Представляешь?

Я не представляла. Замерев на месте, я так и застыла в полуобороте, вглядываясь в шуршащие кусты. Бежать не пыталась. Просто очень хотелось посмотреть на умертвие, мучающееся простудой. Такого, наверное, даже Асвер не видел.

Не дождавшись сочувствия с моей стороны, болезный зашуршал кустами интенсивнее, пробираясь в мою сторону.

Ноги дрогнули, намереваясь самовольно унести неумную хозяйку подальше от опасных трупов с бактериями. С трудом удержав себя на месте, я напряглась, готовая в любое мгновение задать стрекоча, но стояла, терзаемая любопытством. Оно у меня завсегда было сильнее инстинкта самосохранения.

Даже в детстве часто от этого страдала, когда бабушка еще надеялась сделать из своей бездарной внучки полноценную ведьму, ошибочно полагая, что вполне ведьминская внешность является стопроцентным гарантом наличия у меня ведьмовских способностей.

Не являлась, но поняли это слишком поздно.

Зато все свое счастливое детство я гордо ходила то с синей кожей, то с маленькими, симпатичными рожками, едва видными среди рыжих кудрей, то скакала горным козликом по двору, радуясь отросшим от очередного опробованного мною зелья копытцам. Что примечательно, пить всю ту гадость, подчас очень подозрительного цвета, я не боялась. Нездоровое любопытство просто не позволяло мне бояться. Детство у меня было счастливое. Но домочадцы почему-то вспоминают тот светлый период нашей веселой жизни с содроганием.

Из кустов в круг зеленоватого света, отбрасываемого моим ущербным светлячком, вывалился полноватый невысокий парень. В коротких черных волосах застряло несколько высохших листиков, за стальную нашивку на черной куртке зацепилась обломанная веточка, она качалась в такт частому, тяжелому дыханию.

— Ты кто?

Парень шмыгнул носом, отер руки о бока, огляделся и только после этого представился:

— Нагаш. Первый курс. Факультет некромантии.

— Висенья. Третий курс. Це-целительница, — ответствовала я, совершенно неприлично пляясь на невиданное чудо. Просто некроманты на поднятие мертвяков тратили бешеное количество силы, отчего почти все из них ходили тощие, как жерди. И такие же безэмоциональные. Исключения, конечно, встречались. Тот же Асвер, которого можно было бы спутать с магом-боевиком, если бы не волосы. Глянув на его белобрысую шевелюру, контрастировавшую с темными бровями и не менее темными ресницами, как-то сразу становилось ясно, что перед тобой некромант. Жутковатый некромант, прошедший инициацию.

Но если Асвер всего лишь тренировался до потери всякой совести, развиваясь физически, то Нагаш был просто полным. И это поражало.

Любой некромант ел, как хороший, половозрелый орк-воин, но жирка на костях так никто из них наесть не смог. Вот мышцы у некоторых индивидов росли, а жирок не рос поголовно у всех. А этот как-то умудрился обойти это правило. И радовал мой взгляд румяными, круглыми щеками.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он, пользуясь моментом.

— Ночую. А ты?

— Тоже ночую, — грустно признался Нагаш.

Где-то совсем рядом ухнула сова. Ненормальная птица зачем-то залетела на кладбище, и, судя по бодрому уханью, чувствовала себя вполне комфортно. В отличие от меня.

— Неужели и тебя Асвер довел?

— А? Кто? — опешил Нагаш, задумался ненадолго о чем-то и мотнул головой. — Нет, я просто инициацию хочу пройти, а для этого нужно ночь на кладбище провести.

— Кхм. Это кто же тебе такое сказал? — полюбопытствовала я, но, не дав несчастному ответить, со знанием дела продолжила: — Даже я знаю, что инициацию некроманты в гробу проходят. Закапывают их в полнолуние. Так они всю ночь в земле и проводят. А утром, на рассвете, либо труп откапывают, со своей силой не справившийся, либо инициированного некроманта.

— Что?

Нагаш сник, и я, не выдержав, решила его подбодрить. Похлопала по плечу и пояснила:

— Да ты не расстраивайся. Я-то в курсе просто потому, что врага надо знать. А такого зломордого некроманта, как Асвер, надо знать очень хорошо. Так-то только некроманты про все особенности и знают. Да и тех лишь после второго курса во все подробности посвящают.

Неуклюжие утешения не достигли цели, но это оказалось уже неважным. Кусты, из которых совсем недавно вывалился Нагаш, зашуршали.

— Ты один на кладбище пошел? — шепотом спросила у него, отчего-то не горя желанием доносить до нарушителя спокойствия информацию о своей гастрономической неполноценности.

— Один. А ты?

— Тоже.

В кустах невнятно зарычали на разные голоса, и наша компания пополнилась еще на трех членов разной степени разложения.

— Бежим, — просипела я, отступая.

Правый оживленец, у которого не было одной руки и сквозь прореху в рубашке и коже хорошо просматривались грязные, покрытые засохшей кровью и землей ребра, шагнул вперед, вытягивая целую руку.

Что он там собирался делать, я уже не видела, петляя среди могил. Я бежала прочь, отчетливо слыша хриплое дыхание некроманта за спиной. Вслед нам раздался возмущенный рык.

Умертвия достаточно медлительны, особенно такие несвеженькие, что встретились нам, и я об этом знала и могла бы остановиться уже после второй минуты марафонского забега, но не смогла. Да и вряд ли вообще остановилась бы, не случись на моем пути обломанной части каменного надгробия. Запнувшись за препятствие, я с удивленным уханьем свалилась на землю, хорошенько отбив колени и локоть. Да так и осталась лежать, глубоко вдыхая воздух, наполненный тяжелым запахом недавно вскопанной земли. Запнувшись за воспоминания о старой могиле, я умудрилась приземлиться на новую, недавно вырытую.

Родственники покойного ни за что не простили бы мне подобного вандализма, окажись они свидетелями моего падения. И как же хорошо, что нормальные люди не навещают умерших по ночам.

Через неполную минуту до меня добрался задыхавшийся Нагаш. Замер в отдалении и опасно позвал:

— Ви... ви... ви... — Не в силах перевести дыхание, он оперся дрожащими руками о такие же дрожащие колени и пытался выдохнуть мое имя.

— Сенья. Можешь меня так звать, — разрешила я. В конце концов, после этого ночного забега я была готова считать его своим другом. А это значит, что ему уже вполне можно сокращать мое имя. В конце концов, даже Асвер имеет наглость не звать меня полным именем.

— Живая, — облегченно выдохнул он, с трудом распрямляясь, — а то я уж было решил, что...

Договорить ему не позволило приветливое порывивание совсем рядом. Наступившую за этим тишину нарушил тихий, прочувствованный голос Нагаша. Он ругался. Очень ругался. Срывающимся, охрипшим голосом. А в ответ ему согласно порывивало очередное умертвие.

— Ырк, — радостно булькнул разложенец, бодренько подползая к замершему некроманту. Нижняя часть туловища у нашего нового знакомого отсутствовала полностью, что, впрочем, ничуть не уменьшало его энтузиазма, и полз он довольно бодро. За ним по земле, шурша опавшей листвой, волочился богатый внутренний мир, состоящий из кишок и торчащего грязным обломком позвоночника.

— Гадость какая... — С трудом поднявшись на ноги, я смогла во всех подробностях разглядеть еще одно умертвие, встретившееся нам в этом тихом месте. А ведь только на прошлой неделе аспиранты под предводительством директора зачищали все близлежащие кладбища от не в меру живых мертвецов. А вот это то ли стороной обошли, то ли тут уже после них кто-то похозяйничал? Кто-то, кто терпеть меня не может и с удовольствием устроил бы мне какую-нибудь гадость, чтобы я точно проиграла...

Задохнувшись от нахлынувших чувств, я зло прошипела, с ненавистью глядя на мертвяка:

— Убью скотину.

— Он уже и так мертвый, — неверно понял мой порыв Нагаш, готовый вновь повторить недавний забег.

Умертвие еще раз призывно «ыркнуло» и, кажется, даже ползти начало бодрее.

И мы побежали. Снова. Но уже не так резво, как в первый раз, и остановились довольно быстро. Аккурат у одного из склепов. Старого, пыльного, но каменного и от того очень надежного.

— Пересидим внутри, — оптимистично предложила я, разглядывая сбитый замок, валявшийся рядом. И вот отчего бы мне, такой умной, не подумать о том, что дверь не просто так недавно открывали и уж точно совсем не для забавы потом закрывали на щеколду. Снаружи. Зачем на некоторых кладбищах крепили щеколды на склепы снаружи, я раньше не знала и никогда об этом даже не задумывалась. До сегодняшней ночи.

Нагаш, которому уже надоело бегать по кладбищу, спасаясь от нежити, с энтузиазмом принял мое предложение, споро отодвинул щеколду. Он тоже не задумывался, для чего их могли крепить.

Дверь поддалась с тихим скрипом. В лицо пахнуло затхлым воздухом старой смерти, а на неудачливого некроманта ко всему прочему вывалился очередной оживленец — на этот раз при жизни бывший женщиной, — увлекая Нагаша на землю.

Она не могла даже рычать. Только сипела и елозила по шее и вороту некромансткой

рубашки сизым, раздувшимся языком. Нижней челюсти у этой несчастной не было.

К чести Нагаша, он не завизжал, не впал в истерику, только хрипел, ругаясь так, что мне, наверное, стоило бы покраснеть, и пытался спихнуть с себя любвеобильное умертвие. Долгую секунду я смотрела на это дело, не зная, что предпринять.

Потом просто решила импровизировать.

Ухватившись руками за длинные, некогда, наверное, очень красивые, светлые волосы, я дернула ее на себя и чуть не свалилась.

На память в руках у меня осталась половина скальпа страстной дамочки.

— Зараза! — Взбрыкнув, Нагашу удалось скинуть с себя мертвяка. Быстро перекатившись на живот, он почти взлетел в воздух и забормотал, брезгливо передергивая плечами: — Мерзость какая, чтоб я так жил, как она сдохла. Вонь кладбищенская.

— Конечно, кладбищенская. Мы же на кладбище, — подтвердила я, все еще сжимая в руках свой трофей. — Валим отсюда. Найдем место поспокойнее.

— Спокойнее нам будет только за воротами, — уверенно заявил Нагаш. — Пошли!

По инерции я сделала за ним два шага, отбросила подальше кусок вырванной мною прически, отерла руки о штаны и остановилась. За спиной, продолжая лежать так же, как ее оставили, грустно хрипела мертвая дамочка, царапая пальцами землю. Атмосферка — просто превосходная. И я бы с удовольствием, вместо того чтобы наслаждаться обществом нежити, вернулась в общежитие, вот только...

— Не могу я уйти, — грустно поделилась своей бедой с шедшим впереди некромантом.

— Почему? — Он остановился и удивленно на меня глянул через плечо. — Сейчас доберемся до ворот и выйдем. Ты не беспокойся, я знаю, куда идти.

— Да не в этом дело, — призналась я, нагнав поджидающего меня собрата по несчастью.

Мы медленно побрели среди могил, нервно озираясь по сторонам. Близко к деревьям старались не подходить. И говорила я шепотом, поделившись с благодарным слушателем своими трудностями. Слушал он внимательно и только сочувственно хмыкнул, когда я закончила:

— Вот и нужно мне во что бы то ни стало досидеть на кладбище до рассвета.

— Как же тебя так угораздило-то?

Сочувствие в его голосе слышать было приятно. Как правило, люди мне не сочувствовали, считая, раз Асвер на меня взъелся, значит, есть за что. Можно было бы с ними даже согласиться, если бы не одно «но»: я уже столько раз пыталась узнать, за что он меня так невзлюбил, а в ответ получала лишь тяжелый взгляд и злое «потому что дура». Совсем неинформативный ответ рождал внутри лишь глухое раздражение и ответную злость.

— А чтоб я знала. По-моему, он просто рыжих не любит, но признаваться в этом не хочет. А я за это огребаю который год.

Сзади раздался рык. Голодный такой и очень звериный. Нагаш медленно обернулся. Я не решилась. Вжав голову в плечи и до дрожи сжав кулачки, ждала некромантского вердикта.

— Собака.

— Живая? — дрогнувшим голосом спросила я.

— Глаза горят зеленым, — утешить меня Нагашу было нечем.

— Нас всех сожрут, — обреченно прошептала я.

За спиной согласно заворчали, подтверждая, что у зверя именно такие планы на ближайшее время.

— И что мы будем делать? — поллюбопытствовал недогадливый некромант, продолжая разглядывать собаку.

— А ты как думаешь?

Бежать он бросился первым, я за ним, уже готовая выполнить любое желание Асвера, лишь бы избавиться от несущегося за нами умертвия.

Быстрый, но неровный топот лап, с каждым мгновением все отчетливее слышался у нас за спиной.

Бодрая собачка. Бодрая, мертвая, вечно голодная собачка.

Перепрыгивая через остатки ограждения, отделявшего некогда одну очень старую могилу от другой, не менее старой, я пыталась понять, как простая, в сущности, ночевка на кладбище обернулась для меня забегом с препятствиями от прихрамывающей на передние, перебитые еще при жизни, лапы собаки. Что плохого сделала Асверу, я не знала, но само мироздание на меня за что злилось?

Впереди, разжигая между пальцами красный огонь, появилась высокая фигура. Я взбодрилась, признав в стоявшем некроманта. Даже поверила в удачу.

И только оказавшись достаточно близко, чтобы человек попал в освещение моего хилого светлячка, я смогла разглядеть нашего спасителя.

Что ж за жизнь-то у меня такая?

Нагаш глухо охнул, обогнул застывшего на дорожке Асвера и продолжил забег.

Я последовать за ним не успела. Только заметила, как вслед за первокурсником из-за деревьев метнулся смазанной тенью Октэй.

Зломордый перехватил меня, стоило с ним только поравняться. Просто перекинул огонек в одну руку, а другой умудрился ухватить меня на бегу и дернуть на себя, при этом даже не пошатнувшись. Я взвизгнула, он ухнул, нежить за моей спиной довольно рыкнула.

Красный огонек сорвался с бледных пальцев и быстро нашел свою жертву. Пес не завизжал, не загорелся и даже не взорвался, он просто свалился замертво. Вот как бежал, так и свалился, проехавшись немного по земле. И замер безвольной кучей костей и меха. Только спустя несколько секунд он начал медленно рассыпаться в прах. В воздухе закружился пепел, словно от костра.

Я наблюдала все это, до хруста вывернув шею и боясь отцепиться от некроманта, слыша лишь шум крови в ушах.

— Сенья? — В голосе нежданного спасителя слышалось беспокойство, что само по себе было странно. — Ты в порядке?

— Подожди... — прохрипела я, пытаюсь отдышаться. Стоять было сложно, ноги держали с трудом, и я просто привалилась к своему злейшему врагу, вжавшись лбом ему в грудь. Так было значительно лучше. Сейчас отдышусь и просто сотру этот момент из памяти. Чтобы жилось проще.

— Ты не ранена? — не унимался Асвер, глядя одной рукой меня по волосам. Другая так и лежала на спине, фиксируя мое местоположение. — С тобой все в порядке?

— Вот сейчас... — Сглотнув вязкую слюну, я набрала в легкие побольше воздуха и закончила свою мысль: — Вот сейчас я тебе врежу, и все сразу станет в порядке.

— Значит, не пострадала, — констатировал он с облегчением и уже совершенно привычно усмехнулся: — Быстро бегаешь, ведьма.

— Ты... Их? — Решив оставить последнее слово за собой, Асвер просто дернул меня вверх, кряхтя, забросил ошалевшую от всего происходящего целительницу себе на плечо. И

понес. К воротам понес, злыдень полудохлый.

Но я-то не согласная! У меня другие планы на оставшиеся часы были.

— Поставь меня на место! На место меня поставь!

Я лупила Асвера по предплечью и пояснице, уже всерьез рассматривая вариант хорошенько приласкать его пониже спины. Он, скорее всего, разозлится, но кого это волнует? План свой в жизнь воплотить не успела. Асвер сгрузил меня на землю, вцепился жесткими пальцами в мои плечи и тихо прошипел:

— Хорошо. Отпущу я тебя, и что ты будешь делать?

— Отсижу положенные... — я мельком глянула на запястье — стеклышко циферблата треснуло, видимо, когда я упала, но часы все еще шли, отсчитывая секунды, — два с половиной часа.

— Ты понимаешь, что Тай с амулетами напутал? Мы не знаем, сколько умертвий поднялось. Здесь опасно.

— Единственное, что я понимаю, так это то, что ты лживая сволочь, которая не может придерживаться собственных правил!

Асвер сжал зубы, на щеках заходили желваки, глаза зло блеснули, но мне было все равно. Все знали, что девушку он не ударит. Даже если эта девушка — я.

А вот мне очень хотелось его побить. Отходить чем-нибудь тяжелым, пару раз хорошенько пройдясь по надменной роже.

— Послушай меня, ведьма, — прорычал он, очень угрожающе нависая надо мной, — я, конечно, понимаю, что на такую, как ты, даже оживленец не взглянет, но если среди поднятых найдется слепой или извращенец, то ты это кладбище уже не покинешь...

— А ты вылетишь из академии! — очень мстительно закончила я. — За такое даже тебя выгонят. Да, Градэн?

— И что, согласна стать обедом умертвия, лишь бы сделать мне гадость?

— И не надейся. Я уйду отсюда живая и невредимая. И пойду прямо к директору.

— Что?

— Что слышал. Из-за тебя чуть первокурсника не съели, и я намерена донести последние новости прямо до магистра Хэмкона. Ясно?!

— Ясно. — Асвер коротко кивнул, как-то сразу успокоившись. И вновь перекинул меня через плечо. Я успела только сдавленно квакнуть. — Ясно мне, что ты дура непроходимая.

За пределы кладбища под неодобрительный звон распадающегося заклинания меня выносили почти на два с половиной часа раньше положенного срока.

* * *

— Слабительное? Ты же не серьезно? — Миранна пошатнулась на стуле, рискуя свалиться на пол, но ног со стола не убрала, зато так на меня посмотрела, что сразу ясно стало — не одобряет. — Что за детский сад?

— Да успокойся ты, дай помечтать человеку. Мне этот вариант больше прочих понравился, — перебила ее Вириэль, в отличие от моей соседки по комнате слушавшая мой маловразумительный, но прочувствованный и страстный монолог с интересом. — Только, Сень, ты не обижайся, но вряд ли можно погибнуть от передозировки слабительного. Скорее, он пару дней в уборной просидит, а потом уже сам мстить пойдет.

— За что мстить-то? Это же он на нас своих оживленцев натравил, — неприятно удивилась я. По всему выходило, что справедливого возмездия не выйдет. — Ну, может, ему хоть белку дохлую в кровать подбросить? Пускай утром сюрприз будет?

— А в мужское общежитие ты как проберешься ночью?

— Ну... — Вопрос был хороший, еще бы хороший ответ на него найти.

— Вот то-то и оно, — покровительственно кивнула курчавой головой Миранна, отчего ее черные, блестящие волосы рассыпались по зеленовато-серым плечам. Соседка моя была орчанкой и окрас имела запоминающийся.

Помолчали немного. И мне в голову пришла еще одна гениальная идея:

— А если ему рога отрастить? Я даже зелье нужное знаю!

— Ведьма ты, Сень, ведьма и есть. Правильно Ас говорит, — вздохнула Мира удрученно, и я уже планировала обидеться на нее смертельно и до завтрашнего вечера не разговаривать, но она уже привычно спасла положение: — И за что я тебя только люблю?

— А за то, что ты в доле, а растирки мои хорошим спросом пользуются. И мази, кстати, тоже, — самодовольно заметила я, блаженно вытягиваясь на кровати. Вечер был поздний, занятия днем были тяжелые, и это неудивительно после моих-то ночных подвигов. И если бы не праведное негодование, которым я пылала, то спала бы уже давно без задних ног.

— Да уж. Хорошо все-таки быть ведьмой, — с завистью поддакнула Вириэль, которая в доле не была и очень печалилась по этому поводу.

В ответ я только зевнула. Ведьмой я не была. Что бы по этому поводу не думали окружающие.

Вот мама моя — да, она ведьма. И бабушка тоже. А я не удалась.

Как утверждает бабушка, все испортил магический дар отца. Он у меня был стихийником и купцом. Хорошим купцом, но слабеньким водником. А я вот уродилась слабенькой целительницей, бабушке на горе, отцу на радость.

Все, что во мне было от ведьмы, — внешность. Волос рыжий да глаз зеленый. И ни капли ведьмовской силы.

В дверь постучали. Настойчиво так, с полной уверенностью в том, что дверь сейчас откроют. И дверь действительно открыли. Исключительно из любопытства. Посмотреть, кто там такой уверенный, хотелось всем. А открывать почему-то мне пришлось.

— Сенья? — сухо уточнила тощая высокая девица самого что ни на есть некромантского вида.

— Висенья, — мрачно поправила ее, морально готовясь к какой-нибудь гадости. Некромантов я вполне законно опасалась. Спасибо душе Асверу за это.

— У меня к тебе разговор. — Оглядев поверх моей головы затаившихся слушательниц, она веско добавила: — Наедине.

— А мне от подруг скрывать нечего, — нагло вякнула я. Потому что при свидетелях было не страшно, а вот наедине с некроманткой я оставаться поостереглась бы.

— Совсем тебя Ас запугал, — сочувственно произнесла девица, сложив руки на груди, — но ты не беспокойся. Он меня не присылал. Нагаш говорит, что вы с ним эту ночь весело провели. Все южное кладбище обегали.

— Нагаш правильно говорит, — уже дружелюбнее подтвердила я, — но я не понимаю, какое это имеет значение? Теперь ты хочешь вместе со мной по кладбищу побегать? Ты прости, но я пас. Мне впечатлений на всю оставшуюся жизнь хватило.

— Не об этом разговор будет. Но тебе мое предложение понравится. Тебе же скоро, если

не ошибаюсь, экзамен у профессора Эриса сдавать? — невозмутимо поинтересовалась некромантка.

И я сдалась. И в коридор вышла, и дверь за собой закрыла, не слушая возмущенных возгласов из комнаты. И некромантку подальше отвела, прекрасно зная любопытство подруг. Просто экзамен у профессора Эриса — это серьезно. И если есть способ как-то облегчить это страдание, то я просто не могла его упустить.

— Говори.

— Мы хотим сделать амулет удачи...

— Пфф. Да такие каждый артефактор может сделать. Только вероятность, она на то и вероятность. Удача придет тогда, когда сама захочет. Ни один амулет не способен контролировать возможность удачного исхода какого-то предприятия. Увеличить ее в несколько раз — это да. Но не создать ее из ничего.

— Этот артефакт может, — уверенно заявила девушка, дождавшись, пока я замолчу, — но для этого нам нужен светлый маг.

— И ты считаешь, что я соглашусь участвовать в надежде, что у нас что-нибудь получится и амулет будет действовать именно так, как нужно?

— Мы можем хотя бы попытаться. Я не могу тебя заставить, потому просто прошу: подумай. Завтра на завтраке я бы хотела знать твой ответ.

После этих слов она просто развернулась и ушла на свой этаж. Оставив меня одну. В смятении.

В комнату я вернулась мрачная и молчаливая, не отвечая на вопросы и не обращая внимания на угрозы, завалилась спать, уверенная, что откажусь, и очень от этого мучаясь. Но соглашаться не собиралась категорически. Потому что неинтересно мне участвовать во всяких сомнительных предприятиях.

Так и решила. И уснула очень быстро.

А утром, после завтрака, застигнутая врасплох мрачной некроманткой, согласилась. И потом еще долго смотрела ей вслед, не понимая, как оно так все обернулось?

В склепе было сыро, душно и грязно. Паутина серыми липкими лентами свисала с неосвященного, мрачного потолка, едва заметно дрожа на сквозняке. Пыль шевелящимся ковром устилала пол и каменную гробницу какого-то несчастного, волей рока оказавшегося случайной жертвой нашей безумной затеи.

— Куда ты лезешь? Куда лезешь, я спрашиваю?! — Высокий тощий парень с длинными темными волосами, собранными в неряшливый хвост, все сильнее вжимался в стену под напором невысокого, полного, такого же темноволосого сообщника. Собрав на свою мантию почти всю паутину со стены, высокий все же сумел отпихнуть любопытствующего и отвоевать немного пространства. И тут же схлопотал раздраженный выговор:

— Кемар, если ты сейчас же не заткнешься, то вылетишь отсюда, как смазанный. — Такая же тощая, не уступающая Кемару в росте девица с короткими темными волосами ткнула фонариком с трепещущим внутри огоньком в сторону выхода. Нагаш негромко хохотнул и, заработав испепеляющий взгляд, попытался слиться со стеной.

В склепе стало немного чище. Стены в некоторых местах уже радовали глаз природным цветом, не скрытые под толщей пыли.

— Если вы закончили, — негромко начала я, привлекая к себе внимание, — то, быть может, мы уже откроем могилу и сделаем то, зачем сюда явились?

Моя мантия, светло-зеленая, в отличие от черных мантий некромантов, почти светилась в темноте, привлекая к себе излишнее внимание. От этого было неловко, неудобно и некомфортно. Впрочем, некомфортно мне было с того самого момента, как мы спустились в один из условно потайных ходов, ведущих в подвалы, что тянулись под всей Академией.

— Что такое, неудобно? — добродушно шепнув, Нагаш с сочувствием похлопал меня по плечу.

— Еще как, — невольно передернув плечами, я почти влетела носом в пыльный бок надгробия.

— О чем сплетничаете? — Любознательный Кемар налег сзади, проехавшись моим телом по грязному камню. Мантия на груди и животе приобрела неравномерно серый цвет, а я очень пожалела, что не являюсь боевым магом. Жажда членовредительства бурлила в крови.

— Кема-ааа-ар, — мой тихий вой пугающе громким эхом разнесся по помещению.

— Прекратите! — Глаза под темной челкой полыхнули зеленым огнем. Некромантские трюки.

Вельва в гнев была страшна. Это признавали даже прошедшие огонь и воду пятикурсники, которым уже доводилось ночевать на кладбище и поднимать мертвецов. Куда уж было зеленым первогодкам выстоять под ее профессионально-осуждающим тяжелым взглядом. Я хоть и не была первогодкой, но отчетливо почувствовала себя совсем не готовой к таким взглядам. Асвер на меня совсем не так угрожающе зыркал. Мы заткнулись, сникли под ее взглядом и синхронно вздохнули.

— Мы сюда не развлекаться пришли, — вещала тем временем Вельва. Хлопнув ладонью по надгробию и подняв пыль, велела. — Хватит прохлаждаться, снимайте крышку.

Замявшись, парни переглянулись, но послушно ухватились за края надгробной плиты. Под натужное пыхтение и гремющий шорох медленно отъезжавшей плиты по помещению

поплыл затхлый запах смерти.

Фонарик в руках нетерпеливой Вельвы качнулся чуть в сторону, и я заметила, как что-то сверкнуло на полу у каменной стены. Опустившись на грязные плиты и стараясь не думать о том, сколько времени у меня займет чистка мантии, выловила из пыли заинтересовавший меня предмет.

Это оказался небольшой гладкий камень с аккуратным отверстием. Оно проходило насквозь, обрываясь шероховатым отколом. Камень был не целым, темным и, в общем-то, совершенно некрасивым, но я почему-то не могла уговорить себя выпустить его из рук.

— Сень, эй, Сенья...

— Висеня, — почти на автомате поправила я, сжимая бесполезный камень в кулачке.

— Да-да, — отмахнулся Кемар, освобождая мне путь к открытой могиле, — иди, отрывай у него, что там нужно.

Заглянув внутрь, я невольно задержала дыхание. На дне лежал скелет в истлевшей одежде. Провалившийся между ребер, сквозь прорванную ткань сверкал камнями большой, даже на вид тяжелый амулет.

— Как думаешь, из чего он? — взволнованно спросил над ухом Нагаш, разглядывая скелет поверх моего плеча.

От неожиданности сердце рвануло вверх, стремясь вырваться на свободу, я дернулась вслед за ним и чуть не свалилась к покойнику. Камушек, зажатый в руке впился в ладонь острыми, обломанными краями, рана кожу.

— Какая разница? — вмешалась Вельва, с не меньшим любопытством рассматривая несчастную жертву нашей богатой фантазии. — Нам нужен только его палец.

Зажмурившись, я качнулась вперед, перегнувшись через край, свободной рукой нащупала костлявые пальцы, легко распадающиеся на фаланги. Ухватив один из них, подалась назад, вываливаясь из каменного гроба. Только выпрямившись и вытянув перед собой ладонь с лежащим на ней пальцем, облегченно перевела дыхание.

— Мне кажется, — Кемар потыкал кости на моей руке и, издевательски хихикнув, поинтересовался, — или ты и правда вытащила средний палец?

— А тебе не все равно? — фыркнула Вельва. — Главное, что он у нас есть, теперь самое легкое осталось.

— Да я что, я ничего, просто спросил, — скучающе начал Кемар, перевел взгляд мне за спину и возмущенно вскинулся. — Ты куда полез? Куда полез, я спрашиваю?!

Нагаш, опасно перевалившись через край каменного гроба, пытался что-то вытащить. Вельва, со зверским выражением лица, подалась в его сторону, Кемар все так же продолжал возмущаться, а я только и успела что обернуться.

Что произошло дальше, не понял никто из нас. В могиле что-то ослепительно вспыхнуло, ухнуло, и дрожь, казалось, родившаяся прямо в камне, прошла по небольшому склепу. А потом нас, как котят, разбросало в разные стороны, хорошенько приложив о стены. Оглушенная, я валялась на холодном полу, не чувствуя собственного тела.

И думала лишь о том, что неплохо было бы скончаться прямо здесь. Потому что перспектива попасть в руки разъяренного директора была по-настоящему пугающей, а спокойным он точно не будет, когда узнает, что мы сотворили со склепом одного очень важного мага. Других в подобных местах и не хоронили. А он узнает. Непременно. Подобную вспышку темной магии очень сложно не заметить.

— Конец нам, — прохрипел кто-то совсем рядом, вторя моим безрадостным мыслям.

Слева от меня согласно простонали, и в склепе наступила звенящая тишина, погружая в вязкое забытие.

— Ты посмотри. Все живы и даже не сильно пострадали, — веселый, смутно знакомый голос вырвал меня из болезненной полудремы, в которой я плавала, — нет, ты можешь себе представить? Нарвались на защитный амулет и отделались легким испугом!

— Тогда почему они не шевелятся? — глухо поинтересовались откуда-то сверху.

Услышав раздраженный и усталый голос нашего директора, я пожалела, что пришла в себя. В бессознательном состоянии было не так страшно.

— Сквозь них только что прошел полувековой запас темной магии, как ты думаешь, почему они не шевелятся? Меня радует уже то, что они просто дышат.

— Инэй, — устало и совсем не страшно вздохнул директор, а я поняла, почему этот голос казался мне знакомым.

Магистр Инэй Фьяллар являлся целителем, деканом факультета целительства и лекарского искусства и, пожалуй, единственным человеком во всей академии, кто не боялся магистра Огдена Хэмкона, нашего славного директора.

— Брось, Огден, я всего лишь поражаюсь крепости наших студентов. — Голос немного отделился: магистр отошел в сторону. — Кстати, трое из студентов некроманты. Твои птенчики, — злорадно закончил он.

— С этим я разберусь позже, сейчас их нужно показать целителям.

— Вызывай троих! — крикнул вслед вышедшему из склепа директору Фьяллар. — Свою девочку я сам отнесу.

На «свою девочку» я отреагировала конвульсивным подергиванием. Своих студентов магистр любил, но очень странною любовью, больше всего похожей на садистскую. Несчастные целители стонали под гнетом его требовательной натуры, что не мешало их большей части, в основном женской, быть тайно влюбленными в обаятельного магистра.

И такая забота с его стороны грозила мне нехилыми проблемами в будущем. Если это будущее у меня будет.

Впрочем, в этом были и свои плюсы. К целителям я попала на ручках у живого и неплохо пахнущего мужчины. Некромантам повезло куда как меньше. Правда, узнать об этом мне было уже не суждено.

Как не суждено было узнать, каким именно образом в тесный склеп протискивались большие, плохо пахнущие зомби, которых смекалистые некроманты запрягали для переноса тяжестей. И как они, не беспокоясь о целостности своей ноши, взваливали бесчувственные тела моих неудачливых подельников на свои полуразложившиеся плечи.

Сознание я потеряла намного раньше. Аккурат в тот миг, когда магистр, недовольно бормоча себе под нос что-то о безголовых студентах, которые даже гадость не могут сделать правильно, вздернул меня вверх. Острый приступ боли прошелся по всему телу, отдаваясь даже в волосах. Кажется, я застонала, сильнее сжимая пальцы; камень, который так и не выронила, успокаивающе пульсировал теплом, прогоняя боль и погружая меня в темноту.

Очнулась уже на неудобной жесткой койке. Такие пыточные приспособления стояли исключительно в лазарете, побуждая студентов выздоравливать как можно быстрее. Совсем рядом кто-то тихо сидел, изредка вздыхая. Очень жалостливо. Не решаясь открывать глаза, я прислушалась. Мало ли, вдруг тот, кто вздыхает, сейчас еще что-нибудь сделает. А в руке все так же был сжат камешек из склепа, который я каким-то чудом не выронила.

— Хватит притворяться, Ларс, я же вижу, что ты очнулась. — Голос был

жизнерадостный и принадлежал он магистру Фьяллару. И вздыхал уж точно не он, а это значит...

На соседней кровати со вселенской тоской во взгляде, как птички на жердочке, сидели некроманты. Пыльные, помятые и несчастные. Кемар, самый впечатлительный из всех, со скоростью здорового бобра подгрызал свои ногти, изредка вздыхая. Вельва, мрачная и нахохлившаяся, застывшим взглядом уставилась в противоположную стену. А Нагаш... бледный и уже во всем раскаявшийся, казалось, даже не дышал.

— Ну что же, — продолжил между тем магистр, — раз все пришли в себя, самое время навестить кабинет директора.

Нагаш что-то неразборчиво промычал, а мне вдруг стало мучительно удобно лежать на койке и вставать категорически не хотелось.

— Давайте, давайте, — поторопил нас Фьяллар, — поверьте мне на слово, от ожидания Огден добрее не станет.

Нервно хихикнув, я медленно села, спустив ноги на пол. На кровать меня закинули прямо в грязной мантии и пыльных сапогах, не особо заботясь о чистоте казенного постельного белья.

В коридор выходили похоронной процессией, и у каждого из нас было такое неприятное чувство, что хоронить будут именно его. Гулкое эхо наших шагов отдавалось в высоких каменных сводах коридора мрачной мелодией.

А на горизонте уже занимался рассвет. Это я заметила, когда мы проходили по просторному гулкому коридору третьего этажа. В большом окне было хорошо видно, как восходящее солнце раскрасило небо яркими полосами всех оттенков золотого: от бледного, почти белого, до насыщенного янтарного. Вид был красивый, волшебный и волнующий, вот только мне было не до любования природой. До кабинета директора и неминуемой расправы оставалось от силы несколько минут и два поворота.

Фьяллар шел легко и довольно быстро. Бледный Кемар брел за магистром и тихо, монотонно повторял:

— Мы все умрем. Мы все умрем. Мы все умрем.

— Конечно, хорошо, что ты наконец-то это осознал, — дернув за грязный край темной мантии, шепнула я раздраженно. От его бормотания мои и без того натянутые нервы неприятно звенели, — но тебе не кажется, что ты, как некромант, должен был знать об этом уже давно?

Вырвав потрепанную ткань из моих пальцев, он злобно прошипел мне в лицо:

— Мы все умрем в мучениях.

Дальнейший путь проходил под «оптимистичные» завывания:

— Мы все умрем в мучениях.

Уверенности это не прибавило никому из нас.

В приемной было пусто. Рабочее место, где обычно сидела похожая на молодую гончую госпожа секретарь, пустовало, пугая мою безалаберную натуру строгим порядком. Оно и неудивительно: в столь ранний час в стенах академии вряд ли бодрствовал кто-то, кроме директора, неутомимого магистра и кучки неудачников, которых без всякого энтузиазма мы и изображали.

В директорском кабинете было тихо и пугающе мрачно, почти как в склепе. Только намного чище, и вместо бессловесного и совершенно неопасного скелета, за столом из темного дерева сидел магистр Хэмкон. Стол был красивый. Большой, из темно-красного

дерева, тяжелый даже на вид. Он очень гармонично смотрелся в комплекте с нашим директором. Наверное, именно за это свое качество стол здесь и оказался. Магистр Хэмвок, как почти все представители некромантской братии, был мрачен, темноволос и стандартно высок. В остальном же сходств не наблюдалось. Крепкий и слишком мрачный даже для некроманта, он больше походил на какого-нибудь мечника, который куску стали доверяет больше, чем амулету, будь тот хоть сколько мощным и смертоносным. Тощие его коллеги, которые предпочитали называть свою дистрофичность «сухопаростью» на фоне директора казались особенно хлипкими.

Раньше мне еще не доводилось видеть директора так близко, я предпочитала бояться его издали и не лезть на рожон. Столько лет удавалось тихо и спокойно жить в стенах академии, иногда прогуливать пары, изредка без последствий не делать домашние задания и почти без потерь сдавать сессии. Спокойно дожить до выпуска так и не удалось. Поддавшись на соблазнительные уговоры некромантов, оказалась втянутой в сомнительное предприятие, которое завершилось полнейшим провалом. И как я так умудрилась? Философский вопрос, не имеющий точного ответа.

— Мне бы хотелось знать, что вы делали ночью в склепе магистра Лоргэта? — сразу перешел к делу директор.

Звонящая тишина, воцарившаяся после вопроса, нарушалась лишь нашим сопением. Громче всех сопела я. Кажется, умудрилась простудиться, пока лежала на холодных плитах в склепе, который оказывается принадлежал магистру Лоргэту. Об этом достойном человеке, маге и великом артефакторе знали все. А я ему палец оторвала, а Нагаш вообще обокрасть хотел. Стало неловко. Не перед магистром Хэмконом, которому и так были известны наши подвиги, а перед несчастным, потревоженным Лоргэтом, который при жизни вряд ли мог даже помыслить, что его когда-нибудь попытаются пустить на запчасти.

— Я вас слушаю, — поторопил нас директор, глядя почему-то на Кемара. Несчастный вздрогнул, шарахнулся назад, чуть не раздавив так удачно прячущуюся за ним меня, и полузадушенно булькнул, но упрямо молчал, кося подергивающимся глазом.

— Мы... — голос подала Вильва — она была самой смелой из нас, — мы просто решили навестить великого магистра, отдать дань у-уважения.

— Ночью? Пробравшись через потайной ход, о котором вам и знать не положено? — уточнил магистр Фьяллар, издевательски добавив: — А палец, который валялся рядом с Ларс, вы, стало быть, в качестве сувенира решили с собой забрать? На память?

Мы синхронно вздохнули, гипнотизируя пушистый ковер под ногами виноватыми взглядами.

— Вы понимаете, что за такой проступок положено исключение? — сухо поинтересовался магистр Хэмкон, опустив сцепленные в замок руки на стол.

Мы все прекрасно понимали, не осознавали, правда, что можем попасться и поплатиться за глупую затею, но понимали все с самого начала. Мне-то исключение было не страшно, в отличие от Вельвы, которая сбежала в Академию из приюта, я могла просто вернуться домой. Родители были бы даже рады. Оповестили бы моего жениха, справили свадьбу и засели дожидаться внуков. Сплотнув ставшую вдруг вязкой слюну, я поняла: исключение — самое страшное, что может со мной случиться.

— Но исключение всегда можно заменить наказанием, — поспешно сказал Фьяллар, выдергивая меня и, кажется, Кемара из наметившегося обморока, — просто расскажите, что вы делали в склепе. Верно? — обернулся магистр к директору.

— Они пробрались в склеп по потайному ходу, открыли и осквернили могилу, после чего еще и активировали амулет, который поднял пару десятков мертвецов на всех близлежащих кладбищах, — непримиримо перечислил наши достижения за эту ночь директор. — Если они хоть как-то смогут оправдать свой поступок, возможно, я выберу для них другое наказание.

В конце тоннеля появились свет и надежда на лучший исход. Отстаивать наше светлое будущее почему-то выпало мне. Некроманты, бледные предатели, слаженно, как по команде, глянули в мою сторону. Маневр не остался незамеченным.

— Висенья Ларс — студентка третьего курса моего потока, восемнадцати полных лет, — представил меня магистр Фьяллар широкой публике в лице нашего директора, после чего почти промурлыкал, обратившись ко мне: — Не стесняйся, подойди ближе. — И дождавшись, когда я сделаю два маленьких шажка вперед, сразу оказавшись ближе всех к самому страшному кошмару нерадивых студентов, продолжил: — Расскажи-ка, что за неотложное дело у вас было к магистру Лоргэту, раз вы не постеснялись потревожить его посреди ночи.

— Мы... Нам... — промямлила я, обернувшись за поддержкой к некромантам, которые уже даже дышали легче, свалив на меня самую тяжелую работу. Поддержки не дождалась, даже капли сочувствия не перепало. Вытерев влажные ладони о грязные бока настрадавшейся за ночь мантии, собралась с духом и выпалила на одном дыхании. — Нам нужен был палец умершего человека, практиковавшего магию.

— Зачем? — спросил магистр, поощрив доброй улыбкой.

— Для... для амулета удачи. — Запал иссяк, и я сдулась. Как рассказывать про амулет, о котором в какой-то своей книге вычитал Нагаш и для которого деятельным некромантам на первых трех стадиях был необходим кто-то, практикующий светлую магию, я не знала. К счастью, ничего объяснять мне не пришлось.

— Тот самый амулет, который оттягивает на себя все неприятности и дарит хозяину неслыханную удачу? — любопытствовал Фьяллар.

За моей спиной утвердительно замычал Нагаш. Магистр скривился: видимо, причина показалась ему совсем незанимательной. Придя к каким-то своим выводам, Фьяллар спросил, дернув подбородком в сторону некромантов:

— Ну, этим-то понятно, зачем нужен амулет. Профессиональный интерес и природная лень, но ты как ввязалась во все это?

— Сессия скоро. Экзамен по анатомии двуногих прямоходящих, — выложила я свои коварные мотивы. С этим предметом у всех студентов были связаны самые неприятные воспоминания. Профессор Эрис, педантичный, неуступчивый и до жути дотошный, на экзаменах нещадно валил всех без разбору, не обращая внимания на былые заслуги и успехи отвечающего. На пересдачу к нему обычно ходили всем потоком и по несколько раз. Вымучивая перед дверями аудитории долгие, томительные часы, а особенно невезучие — дни.

— Двуногих? А у нас есть еще какая-то анатомия? — рассеянно уточнил магистр, усиленно пытаясь что-то вспомнить.

— Наги, кентавры. Целый раздел посвященный оборотням, — напомнил директор, вполне серьезно пригрозив: — Думаю, не лишним будет попросить профессора Эриса побеседовать с тобой на эту тему.

— Не надо Эриса, — Фьяллар отчетливо побледнел, — я уже все вспомнил. Пускай этот

старый, трухлявый...

— Инэй!

Магистр подавился нелестными эпитетами в адрес коллеги и прохрипел:

— Я хотел сказать, пусть достопочтимый профессор мучает студентов. Я в свое время уже отмучился и не хотел бы повторять.

Пока Фьяллар вспоминал свое светлое детство и старался сильно не морщиться, я успела перевести дыхание. Но спокойные мгновения длились недолго, на нас вновь обратили внимание.

— Знаешь, Огден, я считаю, что можно дать им второй шанс. У меня остался только один вопрос, — вспомнил о моей скромной персоне магистр, — почему вместо того, чтобы разрыть какую-нибудь могилу на кладбище, вы решили забраться в склеп уважаемого человека?

— Мы не знали, чей это склеп, — призналась я, — а на кладбище земля уже хорошо промерзла.

— Я почему-то так и думал, — скорбно сообщил Фьяллар.

— Что с нами теперь будет? — задала мучивший всех нас вопрос нетерпеливая Вельва.

— Строгое наказание, — сообщил магистр, мстительно добавив, — за то, что мне, — обернувшись на директора, поправился, — нам пришлось полночи потратить на уборку в склепе, пока вы отсыпались в лазарете. Неужели вам никто не говорил, что правила надо нарушать тихо и незаметно, чтобы никто об этом не знал?

Мы пристыженно молчали. Гнетущую тишину нарушил магистр Хэмкон, обратившись к магистру:

— Есть какие-то идеи для наказания?

— Конечно есть. Отдай их мне, — попросил магистр, — не всех. Только некромантов. С Ларс разбирайся сам. Я в ней разочаровался. — Задумавшись ненадолго, магистр выдал срок своего разочарования. — Скажем, на неделю. Из-за какого-то экзамена связаться с некромантами...

— Забирай. — Покладистость нашего директора почти умиляла. Кто же знал, что он такой стоворчивый.

— Ну что же, — потеряв ладони, магистр с предвкушением глянул на своих жертв, — в таком случае пойдемте-ка со мной, мои хорошие. До начала занятий у нас еще целых три часа. Мы столько всего успеем сделать.

Распахнув дверь, он дождался, пока некроманты покинут кабинет. Выходили они с мрачными, тревожными лицами, хотя, по идее, должны были бы радоваться. Это ведь я осталась наедине с директором. Когда дверь уже почти закрылась, отрезая меня от внешнего мира, в проеме показалась голова магистра:

— А Ларс можно в морг определить. Раз ей так нравится общество трупов, пускай наслаждается, — и, подмигнув мне, голова исчезла, а дверь окончательно закрылась. С легким щелчком. И мне почему-то вспомнилось, как Миранна предлагала написать завещание, когда узнала, что я общаюсь с некромантами. Тогда я лишь посмеялась над ее предложением — сейчас поняла, как же права она была. Завещание бы сейчас совсем не помешало. Кто знает, кому достанется моя замечательная коллекция трав, если со мной сейчас что-нибудь случится. На самом деле я бы не хотела, чтобы она вообще кому-нибудь досталась, но об этом уже вряд ли кто узнает.

— Значит, экзамен у профессора Эриса? — задумчиво поинтересовался директор,

выдерживая меня из мрачных раздумий. Под тяжелым взглядом противостоительно-светлых глаз было неуютно, хотелось спрятаться. Интересно, он может смотреть куда-нибудь в другую сторону? После нескольких томительных мгновений поняла одну неутешительную вещь — смотреть в другую сторону он не может, зато когда я смотрю в пол, это уже не так беспокоит.

— Ну... гмх.

— Я вас внимательно слушаю.

Больше всего хотелось расплакаться и клятвенно заверить, что больше так не буду. С трудом подавив этот недостойный порыв, подняла голову и встретила взглядом с директором.

— Простите. Это больше не повторится. — Голос почти не дрожал, и я очень собой гордилась.

— Не повторится, потому что вы больше не станете ввязываться в сомнительные авантюры или потому что больше не попадетесь?

Уши пылали, а я уже жалела, что не расплакалась. Как утверждает всезнающая Миранна: лучшее оружие в спорах с мужчинами — слезы. Они перед ними бессильны. А директор снисходительно и, как мне показалось, даже насмешливо рассматривал мою пыльную персону, даже не подозревая, чего избежал. Лучше бы я расплакалась, честное слово.

— Пожалуй, следует принять совет магистра, — официально начал он, — эту неделю по ночам будете дежурить в морге. А по окончании срока поприсутствуете на поднятии умертвия. Думаю, это будет поучительно. Вам все ясно?

Я поспешно кивнула, кусая губы и стараясь не улыбаться. Неделю в морге я как-нибудь перетерплю, а вот присутствовать на ритуале поднятия — это просто подарок судьбы. Мне как будущему целителю не полагалось бывать на подобных мероприятиях, что лишь подогревало интерес.

— В таком случае можете идти.

Из кабинета я выходила, широко улыбаясь. Но стоило лишь оказаться в приемной, как улыбка увяла.

На корточках, привалившись к стене спиной, сидел Асвер, прожигая меня взглядом. Темные глаза светились красноватым, во взлохмаченных волосах запуталась паутина и несколько листочков. Темная рубашка была застегнута криво, куртка со стальными нашивками небрежно висела на плечах.

— Смешно тебе, ведьма? — угрожающе спросил он, поднимаясь. — Сейчас мы это исправим.

— Не стоит трудиться. Ты уже все исправил, — сухо заметила я, на полном серьезе рассматривая возможность вернуться обратно в директорский кабинет. В конце концов, лучше удивленный магистр Хэмкон, чем озверевший злыдень.

— Стоит, Ларс. Еще как стоит. Меня из-за твоего идиотизма посреди ночи разбудили, на кладбище послали. Поднятых тобой и дружками твоими безмозглыми, оживленцев упокаивать. Я уставший и злой. И планирую сначала успокоиться, а потом отоспаться.

— Ромашкового чаю?

— Правды, — качнувшись вперед, он как-то незаметно оказался совсем рядом, — во что ты ввязалась?

— И с чего ты взял, что я стану с тобой откровенничать? — Асвера перекосило, а я

действительно не понимала, откуда такие глупые мысли завелись в его белобрысой голове. — А если ты не хотел, чтобы тебя будили по ночам, то не стоило проходить инициацию уже на втором курсе.

— Сенья, давай ты не будешь меня злить, а просто расскажешь, что натворила?

— Висенья, Градэн. Для тебя Висенья. А лучше и вовсе — Ларс.

— Ты же понимаешь, что я все равно узнаю правду? — уточнил он, величественно проигнорировав мой выпад.

— Не от меня — это точно, — ответствовала я и зевнула. Заразительно так. От чего некромант скривился еще больше, а я с чувством выполненного долга решительно обошла застывшую фигуру зломордого, — ты как хочешь, но я пойду спать. Меня ждет непростая неделя.

* * *

До комнаты я добиралась с намерением проспать те несколько часов, что у меня остались до подъема и еще полчаса сверх положенного, решив не идти на завтрак. В битве между едой и сном всегда побеждал сон.

В комнате было тихо и умиротворенно. Если самый крепкий сон именно перед рассветом, то я попала как раз на этот период. Стянув с себя пыльную мантию, обессиленно завалилась на кровать прямо в одежде. Блаженно вздохнув, вытянулась и уже почти вырубилась, когда на соседней кровати послышалась возня и возмущенный голос Вириэль оповестил:

— Сенья, где ты шлялась всю ночь? Я жутко волновалась!

Скосив глаза, я немного полюбовалась на заспанную эльфийскую мордашку. Если она тут, это может значить только одно — Миранну уволокли на очередные полевые тренировки. Боевики — они такие, им спокойно в общаге не живется, они все больше по полям да лесам в палатках ночевать любят. И теперь несколько недель я буду по утрам любоваться не помятой орочьей физиономией, а светящимся энергией и красотой эльфийским личиком.

Каждый раз, как в нашей комнате по каким-то причинам освобождалась кровать, Вириэль неизменно сбегала от своей неугомонной соседки, называя такие моменты подарком судьбы:

— Оно и видно. Ночь не спала. Извелась вся.

Вириэль поморщилась, кутаясь в одеяло, и продолжила осаду:

— Но где же ты все-таки была? Неужели на свидание бегала?

Моя соседка на непродолжительный срок, изящная, удивительно красивая эльфийка отличалась серебристыми густыми волосами, дивными фиалковыми глазами и страстной любовью к женским романам. Как и все эльфийки, она была возвышенной, одухотворенной и чарующе наивной, что ни в коем случае не мешало ей иметь тяжелый характер и стойкие убеждения, с которыми не могли справиться никакие доводы. Потому я уже давно перестала и стараться. Если она видит везде одну сплошную любовь, причем обязательно возвышенную и до гроба, то пусть так и будет.

В этот раз я тоже не стала пытаться ее переубедить. Раз она считает, что я была на свидании, значит, я была на свидании, и совсем неважно, что по этому поводу думаю я и что было на самом деле.

— Ага, на свидании, — согласилась я, — и завтра тоже на всю ночь пойду на свидание, и послезавтра, и всю неделю буду на свидания ходить. Работа у меня теперь такая. А в конце недели у меня завершающее и самое главное свидание.

— Ну тебя. — В мою сторону полетела подушка, врезалась в стену и аккуратно приземлилась на меня. Я не возражала, мне было все равно. В комнате вновь воцарилась тишина, но длилась она недолго. Не прошло и минуты, как Вириэль смущенно попросила:

— Подушку обратно кинь, пожалуйста.

Спать мне уже больше никто не мешал. А с пробуждением пришло неутешительное, но запоздавшее озарение. После теплой беседы с директором стоило отправляться к целителям, выпросить глоточек отвара против простуды, а не переть прямой наводкой в берлогу на спячку. Это медведи, может, не болеют, а я вот очень даже да.

— Таким образом, мы можем не только просушить травы в рекордно короткий...

— Пчхи!

— Будьте здоровы, — отвлекся на секунду от темы лекции профессор Мирс.

— Збазибба, — благодарно шмыгнула носом я, умудрившись поставить кляксу посреди написанной строки.

— Как я уже сказал, это позволит просушить травы в рекордно короткий срок. Сбор при этом не утратит своих полезных свойств...

— Пчхи! — не сдержалась я. Первые минут пятнадцать лекции прошли мирно: я тихонько записывала материал, периодически утирая нос расшитым платком. Вещица в высшей мере неудобная. От вышивки ткань казалась почти деревянной и плохо гнулась, но ничего лучше найти я не смогла. А потом начался кошмар.

— Если вы собираете ярутку полевую, то следует принимать во внимание, — постарался проигнорировать меня профессор, — что сушить ее следует в тени. Как и большинство лекарственных трав...

— Чхи!

— Ярутка полевая...

— Пчхи... чхи!

— Ларс! — не выдержал профессор Мирс. — Сходите к целителю. Я вас отпускаю. Лекцию потом перепишите.

— Но профессор, — попыталась возмутиться и тут же звонко чихнула.

— Это не обсуждается! Вы срываете мне лекцию. К целителю. Живо!

Из аудитории выходила в гробовой тишине. Профессор не решался начинать лекцию, ожидая какой-нибудь гадости с моей стороны, а остальные студенты завидовали такой неслыханной удаче. Прогуляться до лазарета и не сидеть на лекции по травоведению хотели бы многие, а повезло только мне. Хотя везением это назвать было бы сложно. Обычно в это время магистр Фьяллар проводил практические занятия у пятикурсников, которые, как правило, проходили в лазарете. И что-то мне подсказывало, если сегодняшний день не станет исключением, то быть мне наглядным материалом.

Уже на подходах к лазарету, заметив мнущегося у дверей целителя, поняла, что все мои самые страшные предположения оправдались.

— Доброе утро, — нервный целитель вздрогнул, ошалело глянув на мою болезную персону, — мне бы настоечки пготив пгастуды.

— Ни чем не могу помочь, — высоким, чуть звенящим голосом, от которого неприятно пощелкивало в ушах, поведали мне, — магистр велел всех больных, если такие придут, направлять к нему. Так что, милая девушка, вам туда.

Идея добровольно отдавать себя на опыты казалась мне в высшей степени глупой. Я слишком сильно хотела жить, чтобы так рисковать своим, пускай немного пошатнувшимся, но вполне себе крепким здоровьем.

— Знаете, — отступив на шаг, я шмыгнула носом и нагло соврала, — а мне вдруг стало значительно лугче.

— Правильное решение, — не стал спорить со мной целитель, с тоской глядя, как я медленно пячусь назад к лестнице. Ему бежать было некуда.

— Что за шум? — Из-за дверей показалась голова магистра. — Ларс! Какая неожиданность. Это что же ты прогуливаешь занятия? Одного наказания тебе мало? Ступила на скользкую дорожку и не можешь остановиться?

— Я ничего не прогуливаю, меня отпустиги, — прогнусавила я, звучно шмыгнув носом в подтверждение. И только заметив, как заблестели глаза нашего славного, но немножко пугающего декана, поняла, какую только что совершила глупость.

— Простыла?! Это просто великолепно, — обрадовался он и, обернувшись в глубь комнаты, бодро осведомился: — Ну как, студенты, кто сможет исцелить пациентку с минимальной затратой сил?

— Не надо меня исцелять! — испугалась я за свое здоровье. Кто знает, чем закончится это исцеление?

— Глупости. — Как я оказалась в лазарете, когда была на полпути к лестнице и такому манящему спасению, так и не поняла. Просто Фьяллар выскользнул в коридор, направляясь ко мне с дружелюбной улыбкой, а в следующее мгновение я уже стояла в окружении неприятелей. Магистр же крутил мою голову во все стороны, ощупывая прохладными пальцами горло:

— Так, хорошо. — Ладонь легла на лоб, принося кратковременное облегчение. — Итак, у нас тут обычная простуда. Ничего сложного. Как мы будем ее исцелять?

— Растереть, напоить отваром из...

— Нет, нет и нет. Я сказал исцелять, а не лечить. Еще кто-нибудь?

— Пропустим магический поток через воспаленные участки, что должно снять отек, если такой имеется, и уменьшить воспаление, — отрапортовала невысокая светловолосая девушка, преданно глядя на магистра.

— Замечательно, Лиран, — похвалил новоявленную садистку магистр, — не желаете ли продемонстрировать нам это наглядно?

Лиран обрадовалась, а я испугалась не на шутку. Только не хватало, чтобы мою простуду лечили с помощью магических потоков. Я же потом неделю буду с головной болью ходить. Об этой особенности своего организма на магическое вмешательство я узнала еще во время первой сессии, когда серьезно заболела перед последним и самым главным экзаменом. Уговорить целителя вылечить меня с помощью магии не составило труда, а вот сдать после этого экзамен оказалось поистине сложно. Голова раскалывалась, не позволяя сосредоточиться, но сессию я все же закрыла, что не помешало мне навсегда заречься использовать магию при лечении себя любимой.

— Послушайте магистр Фя...

— Тихо, больше ни слова. Я не хочу слушать, как ты коверкаешь мое имя.

— Не надо меня исцелять, пожагуйста. Я лучше так, постагинке, — отступая к двери предложила я, спиной чувствуя нетерпение хищников, впервые дорвавшихся до жертвы.

— Не глупи, Ларс, — посоветовал Фьяллар, схватив меня за плечи и развернув лицом к Лиран. Пятиться спиной в магистра было неудобно, а стоять на месте, смотря, как на меня надвигается будущая целительница, — страшно.

Моим героем и спасителем, как это ни смешно, оказался директор. Дверь отворилась и на пороге, во всей своей некромантской красе, стоял Хэмвок.

— Инэй, я могу узнать, почему я должен разыскивать тебя по всей академии?

— Даже не знаю. Почему? — не моргнув глазом нагло спросил магистр, прокладывая моим телом себе путь сквозь студентов. Те охотно расступались, опасливо косясь на

директора.

Добравшись до дверей, Фьяллар, не сбавляя скорости, уже собрался таранить мной Хэмкона, чуть не доведя меня тем самым до сердечного приступа. К счастью, директор посторонился, выпуская нас в коридор.

— Так что у тебя за неотложное дело? — поинтересовался магистр.

— Что ты сделал с Вирсом? Я велел ему найти тебя с четверть часа тому назад. Я жду, тебя нет, и он не возвращается, — вместо ответа спросил Хэмкон. Вирс был личным умертвием нашего директора, уже когда я поступила в академию, и служил ему верой и правдой не один год. Его и еще с полдюжины таких же счастливиц, живущих в академии, использовали для передачи сообщений преподаватели и изредка студенты выпускных курсов, из тех, что посильней и посмышленей.

— Понимаешь ли, Огден, — опечалился целитель, — тут такое дело...

— Что ты сделал?

— Я его случайно упокоил, сам не знаю, как так получилось. Я всего лишь хотел на его примере показать студентам, как правильно накладывать руки при тяжелых ранениях, — признался магистр, поспешно пояснив, — я как раз начал занятие, а он так вовремя появился.

— Инэй... — И такой укор слышался в голосе директора, что даже мне стало стыдно. Мне, но никак не Фьяллару.

— Мне его очень жаль. Правда. Но изменить ничего уже нельзя. Так что давай перейдем сразу к делу. Зачем ты меня искал?

Хэмкон промолчал, выразительно глянув на меня.

— Даже не думай, — предупредил его магистр, — если я оставлю ее там одну, то она сиганет в окно.

— Отпусти студентку, — упрямо потребовал директор. И мне очень хотелось верить, что его требования будет достаточно и меня отпустят на свободу.

— Не могу, Ларс больна, а я как целитель обязан ей помочь.

— Ларс? — Переспросил Хэмкон, присмотрелся ко мне внимательнее и хмыкнул. — Признаться, не узнал. Без паутины в волосах и пыльной мантии вы похожи на добропорядочную студентку.

— Очень гада это слышать, — пробормотала я, ковыряя носком сапога каменный пол и мечтая провалиться сквозь землю.

— В любом случае у нас нет времени, — не слушая меня, продолжил директор, — пусть твоими студентами займется кто-нибудь другой: у нас срочное дело.

— Огден...

— Это не обсуждается, — и проскользнуло в голосе директора что-то такое, что заставило Фьяллара прекратить дурачиться.

— Хорошо, — развернувшись, магистр втолкнул меня обратно в комнату, велел притихшим студентам, — ее исцелить и до конца пары сидеть здесь тихо.

Дверь за мной закрылась с леденящим душу щелчком. Лиран лучезарно улыбнулась, разминая пальцы, а я зареклась ходить к целителям вообще. Ну их. Лучше уж болеть.

— Уууу, — за стол, с глухим стуком опустив деревянный поднос, упал Кемар, — это издевательство над студентами, а ваш магистр просто садист. Его к людям подпускать нельзя.

— Прекрати завывать, — потребовала Вельва, ничуть не тише Кемара опустив поднос на стол. Нагаш сел молча, с противным скрежетом, чуть отодвинув тяжелую лавку.

Пока некроманты рассаживались, устраиваясь поудобнее и продолжая жаловаться на провидение и Фьяллара, я страдальчески морщилась, сжимая пальцами виски. Передо мной стояла пузатая чашка сладкого чая с мятой, на еду смотреть я не могла, а громкие звуки раскаленными гвоздями впивались в мой мозг. Зато простуду как рукой сняло. Уж что-что, а исцелять Лиран умела.

— А ты чего такая бледная? — обратила-таки на меня внимание Вельва. — Директор сильно зверствовал?

— Несильно, — призналась я. Глотнув чаю, обожгла язык и выдала все как было. Когда я рассказывала о том, с каким энтузиазмом Фьяллар собирался меня исцелять, Нагаш сочувственно вздохнул и напрягся, стоило только упомянуть директора.

— А нам с Нагашем теперь неделю придется в лазарете помогать, — поделилась Вельва, без особого аппетита помешивая остывающий суп.

— Это еще что, — возмутился Кемар, — мне вообще придется в теплице работать.

— Будешь ближе к земле, — хихикнула я, морщась от боли, — какая тебе разница, что выкапывать — трупы или сорняки?

— Это ущемляет мои чувства! — упрямо продолжал негодовать Кемар. — Я — некромант, я не должен работать с живым материалом.

— Но вы же используете травы, — не очень уверенно заметила я. Мое утверждение больше было похоже на вопрос.

— Да, но выкапывают их обычно другие.

Вельва ехидно хихикнула, а я смотрела на Кемара внимательно и чуть сочувственно, но думала совершенно о другом. Несколько дней непрерывной мигрени и постоянные жалобы некромантов... о дежурствах в морге старалась не думать. Не думать не получалось. В воцарившейся за столом тишине мой тихий болезненный стон прозвучал отчетливо и громко:

— Я сдохну...

— Отпишешь мне свое тело на опыты? — оживился черствый Кемар, с затаенной надеждой заглядывая мне в глаза.

И умирать сразу как-то расхотелось. Просто так. Из вредности. Удивительно, как порой хочется жить после разговора с некромантом.

* * *

В морге было сыро. В морге было холодно. В морге было страшно. А самое печальное: в морге я была одна и сидеть мне в нем предстояло всю ночь. Счастливый Эверик, аспирант с потока некромантии, в обязанности которого и входило следить за моргом, радостно передал мне бразды правления, быстро и скомкано объяснив, что от меня требуется, и сбежал, окрыленный целой неделей свободы.

Из неразборчивых объяснений я поняла только одно — трупы должны лежать; если труп встал, значит, его нужно уложить. Как это делать, куда укладывать и кого оповещать в случае

незапланированной прогулки какого-нибудь мертвячка, мне не было сказано. Оставалось надеяться, что никто не встанет и неделя пройдет мирно.

Опустив голову на прохладную каменную плиту, заменяющую здесь стол, я прикрыла глаза. Голова пульсировала тупой болью, что не мешало мне уснуть прямо так, за столом. Ежась от холода.

Первая ночь прошла вполне мирно, пробудив в груди надежду на лучшее. Кто же знал, что самое интересное судьба припасла для меня напоследок?

* * *

— Нет, ну куда ты собираешься?

Шестой день кряду я уходила ночевать в морг, именно ночевать, потому что меня никто не проверял, а я не бродила по холодным мрачным комнатам с трупами и не нарывалась на неприятности. И шестой день слышала один и тот же вопрос от любопытной Вириэль.

— В морг, — ответ за все шесть дней так и не изменился. Хотя я, замешкавшись на пороге, впервые была припечатана веским:

— Сень, я ведь серьезно спрашиваю. Если ты с кем-то встречаешься, то я как твоя подруга должна об этом знать. Ты же совершенно не разбираешься в мужчинах. Вдруг он тебе не подходит. Тогда я скажу об этом сразу, а Доран объяснит все твоему поклоннику. И будете вы жить долго.

Меня перекосило. С трудом сдержавшись, чтобы не фыркнуть на подобное заявление, глубоко вдохнула и повернулась к соседке по комнате.

— Ты права, — покорно согласилась я, мстительно предложив: — Может, сходишь со мной? Посмотришь, оценишь?

Вчера ночью, напугав меня до чертиков, приехал какой-то странный дядька с бледным осунувшимся лицом; буркнув что-то маловразумительное, он сноровисто сгрузил огромное тело степного орка на один из свободных столов во втором северном помещении, освободил свою ржавую тележку и укатил, оставив в приемной какие-то документы. К документам я не притрагивалась, как и к телу. Только накрыла его сверху сразу двумя отрезами серой ткани. И всю ночь пришибленным сусликом просидела за столом в приемной, не в силах заснуть.

Сегодня же, озверевшая от недосыпа и упрямого любопытства Вириэль, решила поделиться незабываемыми впечатлениями. А вид полуразложившегося орка, который и в живом виде особой красотой не блещет, уж точно ее впечатлит. Не знающая еще о моих коварных планах, эльфийка охотно согласилась, подорвавшись с кровати и в считанные минуты собравшись.

В морг, кутаясь в мантии, мы заходили вместе. Я — уже почти привычно, а Вириэль, зябко ежась, с опаской косилась на магические светильники, развешанные по стенам. Они едва ли могли служить полноценными источниками света.

— Наконец-то! Ты почему опаздываешь? — Эверик нетерпеливо пританцовывал у стола, поспешно собирая какие-то бумаги. — Думаешь, раз последний день, то можно опаздывать?

— Прости, я не нарочно, — рассеянно повинилась, предвкушая, что случится с Вириэль, когда она увидит орка. А эльфийка между тем приободрилась, увидев мало того что живого человека, так еще и мужского пола, которого смело можно было записывать виновником моих ночных отлучек. И расстроено выдохнула, когда ожидания ее не оправдались.

Эверик пробормотал еще что-то, но не был услышан. Никогда раньше я не желала его ухода так сильно, как в этот момент. Когда он наконец ушел, собрав все свои бумажки, огромные часы, что висят над дверью с чуть светящимся в темноте мрачно-зеленым светом циферблатом, показывали почти полночь. Целый час моего ночного дежурства куда-то безвозвратно делся.

— Ну что, — заговорщицки начала я, еще не совсем представляя, как буду заманивать соседку в комнату с мертвым орком. Ее кислый вид и тоска во взгляде решили все за меня, и я просто выпалила, не до конца осознавая, что говорю, — хочешь посмотреть, к кому я всю неделю ходила?

— В смысле? — В голосе Вириэль слышалось явное разочарование. Кажется, она действительно свято верила в то, что я связалась с каким-то типом, который по определению мне не подходил, а тут ее встретила до пошлости банальная правда жизни с холодным, зловещим моргом и горой трупов за стеной. О горе трупов она еще не знала, потому и была столь спокойна, но я собиралась исправить это в ближайшее время.

— Да в прямом. Тут такие экземпляры есть, что раз увидев, будешь жалеть, что они преставились, — не покрывив душой, предельно честно пояснила я, с содроганием вспомнив тело не до конца превратившегося оборотня, который пугал меня своей лохмато-плешивой персоной несколько дней кряду. Потом его куда-то увезли, и я смогла вздохнуть с облегчением. Помнится, в ту славную ночь у меня даже неожиданно прошла мигрень, хотя, по всем правилам, должна была мучить еще дня два.

— Дааа? — Природная брезгливость в утонченной эльфийке боролась со здоровым, далеко не эльфийским любопытством. — И что, прямо так сразу и жаль?

— Сразу! — Главное — честность. И я была предельно честна. — Пошли, покажу. Обещаю, ты впечатлишься.

— Ну пошли, — чувствуя что-то неладное, она все же не смогла устоять и послушно побрела за мной к орку и скорому потрясению.

Тело орка лежало точно так же, как я его оставила. Кажется, Эверик тоже не спешил знакомиться с новым экземпляром поближе. И я его отлично понимала. Вириэль, опасливо поглядывая на огромное тело, интригуяюще прикрытое тканью, спросила почему-то шепотом:

— И ты что, тут всю ночь торчишь? — Голос ее подрагивал, а когда она, отступив чуть назад, налетела на стол с раздутым трупом какого-то утопленника, то взвизгнула, отскочила в сторону и истерично рассмеялась. В голосе ее слышались слезы. — Фу! Гадость какая.

— Не всю ночь. Обычно я в приемной сижу. Там не так уж страшно, — поведала я напряженно.

Пугать ее мне как-то расхотелось. Не потому, что вдруг стало жалко. Она ведь тоже целительница и трупы уже видела. Но вдруг подумалось — а что, если обидится? Я бы, наверное, обиделась. Впрочем, мои сомнения развеяла сама эльфийка. Она опасливо приблизилась к орку с противоположной стороны и, глянув на меня поверх его туши, сдержанно предложила:

— Ну что, показывай, кто у вас тут такой особенный лежит.

— Если ты настаиваешь. — Жестом фокусника я резко стянула ткань. Вириэль округлившимися глазами уставилась на орка. Ткань зацепилась с противоположной стороны, продолжая укрывать тело ниже груди. Я дернула — ткань поддалась; рука, за которую и зацепилась ткань, шевельнулась и безвольно свесилась вниз.

Как оказалось, Вириэль слишком близко подошла к столу, и конечность орка нежно

прошла по бедру и без того напряженной девушки, когда, потеряв опору, свалилась вниз.

Дернувшись и взвизгнув, она отшатнулась назад и что-то пропищала. В тот же миг с ее пальцев сорвались бледно-золотые звездочки, ринувшиеся в сторону орка. Ничего атака Вириэль уже и так мертвому орку не сделала. Тело просто дернулось, а вторая рука, все еще лежавшая на столе, последовала примеру первой и тоже свалилась, проехавшись по моему животу. Я визжать не стала. Просто не смогла. Камешек, что я нашла в склепе и который теперь таскала на шнурке на шее, раскалился, обжигая кожу, и, казалось, забился под одеждой. Я стояла, комкала в руках ткань и даже не дышала. Длилось все это недолго. Несколько секунд, не больше. Вириэль даже не успела прийти в себя. Она все так же жалась к столу с утопленником и круглыми глазами глядела на орка, а камешек остыл и больше не дергался.

— Д-думала умру, — тихий срывающийся голос Вириэль развеял звенящую тишину, — жуть какая.

— Гхррр, — тихо отозвался завожившийся орк. А я с ужасом пялилась на медленно поднимающуюся тушу и понимала: вот он, тот самый случай, когда труп должен лежать, но не хочет, а я как в первый день не знала, что с этим делать, так до сих пор и не знаю.

— Сенья, — голос эльфийки вывел меня из оцепенения, — что он делает, а?

— Не знаю. — Вот парадокс: я вроде шипела тише Вириэль, но на мой голос это чудовище отреагировало. Сначала он замер, потом медленно, чуть ли не со скрипом, повернулся в мою сторону всем туловищем и глухо выдал:

— Ррхыгрр.

— Сделай так, чтобы он обратно лег, — шепотом потребовала эльфийка, ободренная тем, что все внимание мертвяк уделил исключительно мне.

— Как? Я же не некромант! — Вот зря я это сказала, очень зря. Упоминание некромантов, ожившему трупу совсем не понравилось. Зло рыкнув, он бросился на меня. Не поймал. Только поднятые тела обычно всегда путаются с координацией движений, и несколько часов им нужно просто на то, чтобы осознать себя как труп и научиться хотя бы ходить прямо. Орк в этом плане оказался вундеркиндом.

Из морга я выбегала, вцепившись мертвой хваткой в ошалевшую поделницу, которая постоянно оборачивалась да так и норовила споткнуться и упасть. А по нашим следам, сметая все на своем пути, пошатываясь, упрямо шел орк. Он пытался бежать, но каждый раз заваливался, чудом удерживаясь на ногах.

— Да бежим же! — прикрикнула я, когда эльфийка, в очередной раз обернувшись, чуть не свалилась, утянув вслед за собой и меня.

— Куда?

А я почему-то сразу подумала о директоре. Хрипящий за спиной мертвяк подстегивал чувство самосохранения, которое тут же выявило самого сильного некроманта во всей академии.

К кабинету Хэмкона мы бежали бездумно, потому что если бы мозг у нас все же работал, то мы бы рванули в сторону некромантских общаг искать самого сильного некроманта из студентов, а не в направлении пустого кабинета.

О том, что в кабинете никого нет, догадались, только когда, почти влетев в прочную дверь из черного дерева, заколотили по ней руками. Я даже лбом боднуть умудрилась от бушевавших внутри чувств. За дверью было тихо, никто открывать нам не спешил.

— Нооочь на дворе, — простонала догадливая Вириэль, обернувшись. Впервые в жизни

я жалела, что преподаватели предпочитали жить в городе.

Орк, увидевший своих жертв, взбодрился и прибавил скорость. А я, почти ничего уже не соображая, отважно бросилась на него, таща за собой упирающуюся эльфийку. Ей, как и всем детям леса, было присуще просто бешеное чувство самосохранения, и, в отличие от моего, оно никогда не отключалось.

Оживленец притормозил, пораженный до глубины души моей непоследовательностью. Он искренне не понимал, зачем я столько от него бегала, чтобы потом самостоятельно броситься к нему навстречу. Не понимал, но могучие объятия раскрыл и даже рыкнул одобрительно.

А потом рычал обиженно. Потому что жертва обниматься не хотела.

Как проскочила у него под рукой, умудрившись вытянуть за собой и Вириэль, так и не поняла. Просто страшно было до жути, и вместо того чтобы думать, я бежала. На этот раз в правильном направлении. В сторону общежития то есть. Причем мужского. Тащить разложенца в женское общежитие было выше моих сил. Да и студентки такого порыва не оценили бы, а парни как-нибудь переживут.

Вот сначала упокоят его, а потом переживут. Но до общежития добежать нам было не суждено.

— Ларс?

Мы притормозили. Орк, видимо, почувствовавший поблизости некроманта, сбавил скорость и был еще где-то за поворотом.

А к нам навстречу из темноты коридора вышел Асвер, на ходу поправляя рубашку. Бросилась к нему, как к родному, даже внимания не обратила на то, что коридорчик этот ведет аккурат к женскому общежитию.

Видимо, у меня на лице светилось настолько запредельное счастье, что он невольно отшатнулся:

— Ведьма, ты что здесь делаешь?

— Ты же сильный некромант?! — Не давая опомниться несчастному, схватила его за руку с намерением не пущать. Если попытается сбежать, увидев дело рук моих, то только со мной в виде дополнительного груза. А в таком случае далеко он все равно не убежит.

— Урк? — Из-за поворота показался орк, которому очень хотелось продолжать нас преследовать, но присутствие некроманта его изрядно смущало.

— Сень, кошмар мой каждодневный, скажи, что это не ты сделала, — севшим голосом попросил Асвер, больно вцепившись пальцами в мои плечи. Тихо уйкнув, я гордо подтвердила:

— Не я. Он сам, — непонятно чему улыбаясь. Не иначе гордость за орка проклюнулась.

— Я убью тебя, — все еще глядя поверх моей головы, туда, где топтался одаренный разложенец, проникновенно пообещал зломордый, не разделяя моей гордости за успехи умертвия.

— Да убивай, конечно, только его сначала упокой, пожалуйста, — ткнув пальцем за спину, я только сейчас заметила Вириэль, которая все это время тихонько стояла за моей спиной и круглыми глазами смотрела на Асвера.

— Я помогу тебе с этой неприятностью, — задумчиво согласился некромант, в котором проснулась предпринимательская жилка, — но ты мне за это будешь должна одно желание.

— Нет уж, так не пойдет. Или говори сразу, что с меня потребуется, или я так не согласная.

— Почему?

— Соглашайся, — едва слышно прошептала за спиной Вириэль, — соглашайся. Он же нас сейчас прямо тут сожрет.

Конечно. Не ей ведь потом больную некромантскую фантазию в жизнь придется воплощать.

— Потому что вполне может статься, что мне сейчас легче пойти и вот с ним обняться, — проигнорировав тихий шепот, я еще раз ткнула пальцем в орка, — чем твое желание выполнить.

— Так значит... — мрачно пробормотал Асвер и еще раз смерил взглядом притихшего орка, терпеливо ждущего, когда мы закончим разговор, страшный некромант уйдет и можно будет возобновлять погоню. Подумав немного, зломордый пришел к какому-то выводу, вздохнул очень тяжело и выдал невероятные условия: — Хорошо. Я его сейчас упокою. А ты за это поцелуешь меня завтра в главной зале. На глазах у всех, кто будет там присутствовать.

— Озверел?! — яростно прошипела я, дергаясь в его руках.

— Я — нет, — тихо хохотнул Асвер, указав подбородком на нашу мускулистую проблемку, — а вот он — вполне. Желаете остаться с ним наедине? Я могу уйти. Только пожелаю ему приятного аппетита, если ты не возражаешь.

Я уже открыла рот, чтобы послать зломордого самой непролазной дорогой, но застыла, так и не произнеся ни слова. Глубоко вдохнула, пытаюсь справиться с радостным ликованием, пробивавшимся легкой дрожью в голосе:

— По рукам. Ты его упокоишь — я тебя поцелую.

Несколько секунд он испытующе меня рассматривал, не веря в столь легкую победу, но не нашел ни единой причины не поверить, отстранил в сторону и сделал первый шаг к даровитому умертвию. Невероятно, но орк отступил, с опаской глядя на Асвера.

И зломордому это совсем не понравилось:

— Стоять!

Он рывкнул так, что я сама застыла на месте, стараясь даже не дышать. Что уж говорить о несчастном умертвии, которое точно не ожидало такой подставы от жизни. А злого некроманта, способного упокоить его в считанные секунды, никак иначе, кроме как подставой, не назовешь.

Решив точно так же, орк, больше не медля, поспешил скрыться, спасая то подобие жизни, которое у него было. Асвер бросился за ним, рассыпая с пальцев по сторонам красноватые искры.

И очень хорошо, что коридоры у нас каменные, и ковров в них не предусмотрено, и гобелены директор наш не очень любил, отчего их почти не встречалось по всей академии. Иначе азартная погоня вполне могла бы закончиться пожаром.

— И что мы будем делать? — шепотом спросила Вириэль, которая за всю жизнь не испытала столько острых ощущений, сколько за сегодняшнюю ночь.

— Ты отправишься в комнату, — с тоской наметила я планы на будущее, — а я пойду посмотреть, как Асвер упокаивает моего орка.

— А ты его правда завтра поцелуешь? — с любопытством спросила эльфийка. Ну конечно, кому что, а ей романтики подавай. Впрочем, то, что я собираюсь завтра устроить, меньше всего будет похоже на романтику. Если мне не повезет, то это будет уже кровавый триллер со мной в главной роли. Но это только если очень не повезет.

— Поцелую, — сумрачно подтвердила я, подталкивая любопытствующую в сторону

женского общежития.

— Я одна не пойду, — твердо отрезала Вириэль, добавив уже тише, — мне страшно.

— Тут всего один коридор остался. Ничего с тобой не случится, — заверила ее, усиливая натиск.

— Сень... — жалобно простонала она, но я была непреклонна:

— Иди-иди. Мне еще со всякими противными некромантами договариваться предстоит. — Еще раз толкнув ее в темноту коридорчика, я одернула мантию, нервно пригладила волосы и поспешила за некромантом и его жертвой.

Нашлись они за следующим поворотом. Уже совсем мертвый орк и озадаченный Асвер, застывший над ним. Увидев меня, зломордый виновато развел руками:

— Не знаю, где вы его раздобыли, но он какой-то неправильный был. Я пытался подавить его, чтобы контролировать самому и доставить в морг, а он вместо этого вот.

«Вот» лежало на полу и не подавало никаких признаков жизни.

— И как мы его до морга дотащим? — грустно спросила я, рассматривая мою очень большую проблему. Очень большую и очень тяжелую.

— Не расстраивайся. — Асвер улыбнулся, похлопал меня по поникшему плечу и пообещал: — Мы что-нибудь придумаем.

— Хотелось бы мне знать, что именно вы собираетесь придумывать, — услышать за спиной голос директора я никак не ожидала, а потому испугалась и попыталась прилечь рядом с орком, но шустрый Ас не позволил мне этого, удержав в вертикальном положении. И даже лицом к очередной проблеме повернул.

Переведя взгляд с нас на орка, Хэмкон недолго его рассматривал, после чего сурово спросил:

— Что все это значит?

— Сенья не виновата, — начал зломордый, и я ушам своим не поверила, на мгновение мне даже показалось, что он меня защищает, но потом некромант продолжил, и я успокоилась, — удивительно уже то, что она умудрилась за все эти шесть дней ничего не испортить. Это же просто беда ходячая, оставлять ее наедине с мертвецами нельзя...

— Я все понял, — перебил его магистр Хэмкон, мрачно постановив: — В таком случае следующую неделю она проведет в морге под вашим чутким руководством. Вам все ясно, Градэн?

— Д-да, — грустно подтвердил зломордый, сильнее сжимая пальцы на моем плече.

— То есть мое наказание продлевается? — робко уточнила я, с тоской думая о том, что еще одну такую неделю я могу и не пережить. Да что там такую. Она будет гораздо хуже, если в напарниках у меня будет ходить Асвер.

— Именно так. Присутствие на практическом занятии по поднятию умертвия так же откладывается на неделю. Вам все ясно?

Угрюмые подтверждения на два голоса его вполне удовлетворили. Кивнув, он щелкнул пальцами, и орк за нашими спинами зашевелился. Изломанной куклой он поднялся с пола и побрел вслед за удаляющимся директором. В морг. А ведь мне, по идее, туда же надо. Только не хочется.

Твердо решив, что не пойду в морг, пока там посторонние находятся, я вывернулась из некромантских рук и уверенно поспешила к кабинету директора. Откуда Хэмкон появился в академии, когда должен быть дома, я не знала, но была у меня по этому поводу одна мысль, которую я и хотела подтвердить.

— Ведьма, стой! Куда бежишь, безголовая?

— Не твое дело, — бросила я, сосредоточенно глядя вперед.

— Вообще-то мое. Тебе завтра меня еще целовать предстоит. И я не хочу, чтобы ты до этого момента убилась.

Я не ответила, лишь прибавила скорости, чтобы поскорее добраться до места. И добралась, и удовлетворила свое любопытство. И успокоилась.

На директорской двери была вмятина. Хорошая такая вмятина. Оставленная, кажется, дубовой орчьей головой. А как известно, директор свой кабинет любит, и защиту на него поставил мощную, и оповещение о нарушении границ тоже поставил. А орк его нарушил. И из-за умертвия с твердокаменной головой мне теперь придется неделю терпеть зломордого.

— Это вы так? — Тот самый, которого мне терпеть предстояло, стоял рядом и внимательно созерцал.

— Орк, — коротко ответила я.

— И зачем вы его сюда привели?

Пожав плечами, я с трудом отвела взгляд от двери, переводя его на Асвера.

— Чего? — раздраженно спросил он, заметив мой интерес.

— Завтра перед завтраком жду тебя в главной зале. Целовать буду, — и не говоря больше ни слова, припустилась в сторону морга. В спину мне понеслось раздраженное:

— Ведьма!

Не оборачиваясь, я бежала вперед, широко улыбаясь. На завтрак студенты обычно спускались по боковым лестницам, ведущим от общежитий сразу к столовой. И главная зала по утрам обычно была пуста. Никто ничего не увидит, и я могла собой гордиться. Что и делала.

Тогда я еще не знала, что Асвера мне переиграть не суждено.

— Итак, — на наглой некромантской роже расцвела запредельно счастливая улыбка, — ты помнишь, что должна сделать?

Осмотрев излишне людный зал, я только кивнула. Вот интересно, откуда здесь столько народу, да еще в столь ранний час? Не иначе зломордый постарался.

— Так приступай.

— Наклонись, — хмуро потребовала я, уже зная, что буду делать. Асвер хотел поцелуй — он его получит.

— Даже не попытаешься отказаться? — приятно удивился он, послушно выполняя мое требование.

— А смысл? — Не удовлетворенная результатом, я совсем не нежно ухватила его за уши и дернула на себя. Жертва моего плохого настроения ойкнула и попыталась вырваться. Но я не отпускала, вместо этого звонко, с чувством чмокнула его в лоб.

Некромантская гадость перестала вырываться тут же, круглыми глазами уставившись на меня.

— Готово, — громко поведала я всем собравшимся, следя за реакцией зломордого.

А посмотреть было на что. Асвер злился и багровел, уши его багровели благодаря мне, но вот лицо...

— Это что было? — На меня не шипели и не рычали. Вопрос был задан очень спокойно, но вид перекошенной физиономии Асвера заставлял проникнуться. И я прониклась.

— Поцелуй, — озвучила я очевидное.

— В лоб?!

— А куда еще нужно целовать некроманта?

Он неразборчиво булькнул что-то, не имея понятия, как реагировать на подобную наглость. В последний раз хорошенько дернув его за уши, я отступила, разжимая пальцы, и почти с сочувствием предупредила:

— В следующий раз будешь думать, прежде чем пытаться мне гадость сделать.

— Нет, ведьма, в следующий раз будешь думать ты, — угрожающе прорычал он, качнувшись ко мне. Сграбастал в охапку и недолго думая прижался к моим губам. Это был даже не поцелуй, одно сплошное издевательство, но покраснела я вся, сравнившись окрасом с цветом волос, и хватала ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова. Возможности вырваться из стальной хватки не было, слушать тихие смешки в толпе и одиночные хлопки не было уже никакого желания, да и смотреть на зломордого совершенно не хотелось. Потому я гипнотизировала взглядом пуговицу на его рубашке и старалась взять себя в руки.

Асвер наслаждался моментом:

— И на будущее, необязательная моя, обещания надо выполнять.

— Я выполнила, — прохрипела, с трудом сдерживая кровожадные порывы. Врезать ему хотелось со страшной силой. Чтобы у него из гляделок его наглых искры посыпались.

— Нет. Твое обещание только что выполнил я, — насмешливо ответил он, чмокнул меня в макушку и только после этого отпустил. Обвел присутствующих задумчивым взглядом и громко постановил:

— Что ж, а теперь можно и позавтракать, — и уже сделав несколько шагов в сторону столовой, обернулся, удивленно поинтересовавшись у меня: — А ты разве есть не хочешь?

— Тебя бы съела с удовольствием, — огрызнулась зло. Я была готова броситься на него с кулаками, но не вовремя подоспевшая эльфийка не дала мне этого сделать. И все, что мне оставалось, — тихо беситься и строить коварные планы мести. Первым в списке была белка. Мертвая белка, которой так не хватало в некромантской постели. Быть может, это был детский поступок, но уже от одной мысли о том, какое лицо будет у Асвера, когда он обнаружит в своей кровати мой пушистый подарок, заставляла радостно улыбаться.

— Не знаю, что ты задумала, — тихо шепнула мне Вириэль, утягивая вперед, в сторону вкусных запахов и аппетитного звона столовых приборов, — но прекрати так улыбаться. Ничего же страшного не случилось.

— Пожалуй, ты права, — покладисто согласилась я, уже зная, где возьму белку и кого попрошу подкинуть ее в неприятельскую комнату. В конце концов, и Нагаш, и Кемар мне теперь должны. Я из-за них уже неделю мучаюсь, а после сегодняшней ночи буду мучиться еще неделю. Пускай отрабатывают.

* * *

В столовой было громко и многолюдно. И мне как-то сразу так есть захотелось, когда я вошла, подталкиваемая сзади Вириэль, что даже забыла о желании нагадить ближнему своему.

Но забыла ненадолго. Вот как увидела краснощекую физиономию Нагаша за одним из столов, так сразу и вспомнила, что за дела важные меня сюда вели.

— У меня к тебе серьезный разговор, — с ходу начала я, подсаживаясь к некромантскому столику. Нагаш закашлялся, подавившись куском, Кемар выронил ложку, удивленно глядя на меня, и только Вельва осталась совершенно спокойна. Даже любопытство сподобилась проявить, не по теме моего серьезного разговора:

— Что за балаган вы устроили в зале? — спокойно спросила она, размеренно помешивая горячую кашу. И как-то так она это делала, что ложка не касалась стенок миски.

— Что б я знала, — гипнотизируя взглядом ее руку, я все ждала, когда прозвучит это успокаивающее дзынь и меня уже отпустит, — сам потребовал за помощь поцелуй. Еще и народ весь сюда небось лично согнал.

— Именно так и есть, — подтвердил мои подозрения Кемар. — Утром на выходе из общаги объявление висело, в нем что-то насчет уникального события было, исключительной некромантской неотразимости, способной победить даже ведьминскую дурость. Только, насколько я понял, ты должна была его поцеловать. А не наоборот.

«Ну теперь он точно не отвертится от белки», — окончательно решила я, возвращаясь к волнующей меня теме: — Нагаш, ты сможешь кое-что в комнату Асвера протащить?

— Чтооо?

— Не бойся, ничего опасного. Просто один некогда вполне милый подарочек.

— А сама? — особого энтузиазма некромант не выказывал.

— Сама не могу. Кто ж меня без приглашения в мужское общежитие пустит?

— Я могу тебя пригласить, — помогать мне он совсем не хотел.

— Нагаш, вот скажи, мы с тобой от нежити на кладбище спасались?

Он кивнул.

— В склеп за костями лазали?

Он еще раз кивнул, с тоской покосившись на наших поделничков, которых я не прессовала и которые чувствовали себя вполне комфортно.

— У директора за это на орехи получали?

Нагаш, с похоронным выражением лица, кивнул глядя мне в глаза. Наверное, надеялся, что меня проймет, я смягчусь и не стану доводить дело до конца. Очень наивно с его стороны. Я чувствовала, что близка к победе, и не могла остановиться:

— Мы друзья? — испытующе спросила у него, чуть приподнимаясь со скамьи. За спиной кашлянула забытая Вириэль, которая не одобряла подобного рода шантаж. Да что там, она вообще шантаж не одобряла.

— Что нужно ему подкинуть? — обреченно спросил мой друг, осознав, что спасения от меня все равно нет.

— Да ничего особенного. Белочку. — Три пары неверящих глаз и одна осуждающая были мне наградой. Насладившись произведенным эффектом, я скромно добавила: — Мертвую.

— Он меня убьет, — простонал Нагаш.

— Да ты с ума сошла, — возмутилась Вельва.

Вириэль молча ткнула меня кулачком в спину. И только Кемар меня поддержал:

— Да чего вы. Он же некромант. Ничего ему не будет, а ребенок душу отведет.

— Спасибо за поддержку... наверное. — Довольно странно было слышать что-то подобное от человека на несколько лет меня младше. Потерев пострадавшую спину, я попыталась приободрить Нагаша: — А ты не беспокойся. Убивать он меня бросится. Тебе ничего не будет. Уж поверь.

— Где твоя белка? — безнадежно спросил он, уже сто раз пожалев, что связался со мной.

— Пока не знаю, но очень скоро найду.

Смиренно кивнув, он уткнулся носом в тарелку, наверное, окончательно уверившись, что я совсем сумасшедшая.

Я не возражала, не до того мне было. Мои мысли были заняты белкой.

Весь день только о ней думала. Но так и не нашла толковый выход из ситуации.

Единственное, до чего додумалась, — к лесным духам за помощью обратиться. Уж они-то смогут в своем лесу мне трупик сыскать. Я, может, ведьма и неполноценная, но подход ко всякой нечисти найти вполне в состоянии.

И вечером, после ужина, в лес сбегала, пожертвовав на подношение кусок пирога, который мне на сладкое полагался. И час там сидела, рискуя насморк заработать, дожидаясь, пока кто-нибудь откликнется.

Но зато обратно в академию возвращалась бодрая. Весь мир мне казался прекрасным, и даже дышать стало легче. Пирог был съеден, и общий язык найден. А скоро и белка должна была найтись. И я была совсем счастливая.

Ненадолго, правда. Потому что в академии меня ждало очередное дежурство в морге. Очень сложное, изматывающее и нервное. Но это для меня ночь обещала быть тяжелой. Эверик разглядывал отданных ему студентов с приятным удивлением.

— Знаешь, Сень, вот за то, что ты мне еще одну недельку отдыха организовала, я тебе благодарен безмерно, но этого-то ты как умудрилась к общественно полезным работам пристроить?

— А этот забыл, что с ведьмой связался, вот и получил за все хорошее, — мрачно отозвался Асвер, без особого интереса разглядывая помещение.

— Да брось, все знают, что ты на первом курсе каждую неделю тут проводил. Наказания отбывая.

— А потом что, поумнел и перестал правила нарушать? — любопытствовала я. Первый курс я помнила плохо. Тогда я все больше боялась и нервничала, не до окружающих мне было.

— А потом поумнел и перестал попадаться, — ответил мне Асвер.

— Так, ну все. Пойду я. Что делать, вы знаете. И, пожалуйста, Ас, присмотри за ней. Чтобы она больше никого на прогулку не выводила.

Я покраснела. Вот парадокс: случилось все ночью, пока студенты спали, но откуда-то все знали, что я по коридорам академии с орком гуляла.

А пока я краснела, Асвер клятвенно заверил, что и за мной приглядит, и за умертвиями, и упокоит любого, кто будет его раздражать. Говоря это, он так на меня глянул, что сразу ясно стало, кто тут первой жертвой окажется.

Когда Эверик покинул нашу совсем не теплую компанию, я решительно направилась к столу, намереваясь спать. А всякие некроманты могли делать все что им заблагорассудится. И упокаивать кого захотят. Главное, чтобы меня не трогали.

И вот села я, ручки на каменной столешнице сложила, голову на них опустила, и все. На этом отдых и закончился.

— Это еще что такое? — Меня вытянули из-за стола и поставили на ноги, занимая место.

— Градэн, ты совесть имей, — мрачно предложила я, топчась рядом, — это единственный стул на весь морг.

— Я знаю, именно поэтому. — Похлопав по колену, он радостно предложил. — Садись.

— Издеваешься?

— Сень, вот ты сама подумай: стул один, нас двое, так?

Дождавшись подтверждения с моей стороны, удовлетворено постановил:

— Так. И вот скажи, что лучше? Чтобы я на тебя сел или все же чтобы ты на меня? Имей в виду, я приму любое твоё решение.

И морда у него такая понимающая была. И весь он из себя такой положительный сделался, аж тошно стало. А когда мне тошно, я реагирую неадекватно. Вот и на этот раз все вышло как вышло.

Молча развернувшись на каблуках, я сначала в кладовую заглянула, стянув оттуда кусок ткани, после чего, четко чеканя шаг, промаршировала мимо стола и некроманта в сторону южной комнаты: там теплее было. Выбрала себе пустой стол, завернулась в ткань и прямо там легла.

Асвер, который впечатлился моим показательным выступлением и решил посмотреть, куда это я с тряпкой иду, постоял недолго надо мной, хмыкнул насмешливо и ушел. А я уснула. И снился мне снег. Недолго, правда. Потом кто-то завозился рядом, сдвигая мое окоченевшее тело к краю, пристроился за спиной, и снег медленно начал таять. Но лучше бы, наверное, я все же заоченела в той вечной мерзлоте, чем грелась от этой печки.

Утром проснулась от возмущенного голоса сверху:

— И как это понимать? Мне вас в каталог вносить как новое поступление? Эй, сони? Совесть имейте. Два умертвия на одном столе лежать не могут по закону.

— Эверик, давай ты через пару часиков зайдешь? — Сонный голос у самого уха резко и очень жестко выдернул меня из приятной полудремы, а крепкие объятия, следовавшие за

этим, окончательно привели в чувство. Я завозилась. Попыталась встать и чуть не свалилась на пол.

— Сень, вредина мелкая, дай поспать еще. Так лежу хорошо ведь.

— Спи, я тебе не мешаю. Меня только пусти, — просипела я, еще раз попыталась подняться, но потерпела неудачу и потребовала ответа. — Ты что вообще здесь делаешь?

— Да я посмотрел, тебе так хорошо и удобно было, что решил тоже прилечь, — не открывая глаз и не разжимая объятий, ответили мне.

— Вот и прилег бы на другой стол. — Левый глаз с трудом открылся и это был огромный прогресс.

— Одному холодно, — наставительно произнес он, выпустив-таки меня из рук, — с тобой теплее.

— Слушайте, недомороженные, давайте вы отношения в другом месте выяснять будете.

Я молча сползла на пол, плотнее закуталась в ткань и гордо удалилась, отчаянно воюя с сонливостью. Вдогонку мне неслось издевательское хихиканье соседа по столу. Убила бы гада. Если бы не свидетели.

А в комнате меня уже ждал подарочек. Давно преставившийся, местами облезлый трупик белочки.

Лежал он на моей кровати, аккуратно завернутый в плотную бумагу. И ждал, когда его используют во благо.

На соседней кровати сидела Вириэль, расчесывала волосы и недобро рассматривала посылочку от лесных.

— Сень, ты же в курсе, что я против?

— Я подозревала об этом. — Потыкав пальцем в холодное тельце, я усиленно пыталась решить, тащить ее Нагашу прямо сейчас или не стоит портить ему настроение с утра пораньше.

— И что ты с ней делать будешь?

— Завтра суббота, у нас дежурства в морге не будет, попрошу Нагаша сегодня ночью ее подбросить. Однодневное заклинание заморозки, и, если повезет, Асвер ее не заметит до завтрашней ночи.

— Знаешь, раньше я была на твоей стороне. В конце концов, издевался он над тобой без всякой причины, но это...

— Это, Виричка, месть. Кладбище было последней каплей.

— Это детский сад, Сень.

— А ну и пусть. Главное — мне будет хорошо.

Эльфийка покачала головой, но высказывать свое недовольство вслух не стала, только предупредила:

— Если Мира об этом узнает, то всыплет тебе по первое число.

— Ай, — храбро отмахнулась я от угрозы, — ей до конца следующей недели по лесам бродить. Я смотрела ее расписание. У нее все еще практика в полевых условиях. Так что возмездия не последует.

— Ас мстить будет.

— А вот посмотрим, — смело вякнула я, потирая ручки. Зломордый в последнее время размяк, сдал позиции и изводить меня стал все реже. И это давало надежду, что ответная его реакция меня не очень расстроит.

Но кто же знал, что ожидание так сильно изводит? Как оказалось, делать пакости —

очень нервная и неблагодарная работа. Даже если пакость за тебя делает кто-то другой.

— Сенья, ты чего тихая сегодня такая? — подозрительно спросил Асвер, усевшись прямо на стол.

Я забралась с ногами на стул и тихонечко беспокоилась о благополучии моей глупой затеи. Никакую белку ни в какую кровать я уже не хотела подкладывать, но спохватилась поздно.

Подтухший знак возмездия уже был отдан в надежные руки. И эти надежные руки должны были сейчас оттранспортировать трупик в нужное место.

А там как получится.

— Ведьма, ты меня сейчас действительно пугаешь. Если решила еще кого-нибудь разупокоить, так ты сразу скажи, я хоть приготовлюсь.

— Целительница, — не отрываясь от созерцания края стола, пробормотала я.

— Ммм?

— Целительница я, Градэн. С трупами никаких дел не имею. Предпочитаю живых пользоваться.

— Мгым, — подавшись вперед, он несильно потянул за рыжую прядь, — ты это орку скажи, от которого в тот же день избавились, как ты с ним пообщалась. А ведь такой образец был хороший. — Я продолжала молчать, не реагируя на некромантский раздражитель. — А раздражитель не унимался: — Вот скажи мне, кошмар любого оживленца, как ты умудрилась орка поднять? Что за магию использовала?

— Никого я не поднимала, — недружелюбно буркнула в ответ, с трудом подавив желание дотронуться до камешка. Подозревала ли я его в причастности к поднятию разложенца? Бесспорно подозревала, вот только в библиотеке о подобном найти ничего не удалось. А напрямую интересоваться у кого-то из некромантов... не настолько любопытно мне еще было, чтобы с кем-то такими секретами делиться.

— Сень, прекрати молчать. Это на тебя не похоже.

— Считай, что это затишье перед бурей, — злобненько посоветовала ему, подняв-таки взгляд и снова вспомнив про белочку.

Глядя в темные наглые гляделки, я обреченно поняла, что завтра придет конец либо мне, либо белочке. И лучше бы жертвой некромантской ярости стал грызун. Он уже и так мертвый. Ему уже все равно.

А мне еще жить и жить. Если очень повезет, то даже счастливо.

* * *

— Это что?! — На стол передо мной хлопнули облезлый и отчего-то мокрый трупик, разбрызгивая вокруг мутную воду.

Жить счастливо не получилось. Да что там, появились у меня сомнения, что я до вечера вообще доживу. Просто, глядя на влетевшего в аудиторию совсем бешеного Асвера, у меня перед глазами могилки в ряд выстроились, и на каждой почему-то мое имя красовалось.

— Белка, — нервно ответила я, убирая подальше от мертвого тельца тетрадь, — мертвая.

— И что она делала в моей постели?! — громко спросил Асвер, самостоятельно давая мне повод не молчать. И я не смолчала, почти искренне удивившись:

— А мне откуда знать? Твоя же белка. — Глаз у любителя белочек дернулся. На задних партах кто-то нервно хихикнул, а я продолжила копать себе могилу: — Ты не думай, я тебя не осуждаю. Но я в детстве как-то с плюшевым мишкой спала. Хотя ты, конечно, некромант, у тебя это профессиональное. Только... Градэн, а мокрая она почему? Ты ее стирал, что ли?

Бледные пальцы судорожно сжались на безвольной тушке, кажется, даже хруст мелких костей послышался, и мне угрожающе прошипели:

— Ты сама напросилась, ведьма. Это тебе с рук не сойдет.

— Совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. — Широкая нервная улыбка перекосила мое лицо. Сложно было оставаться спокойной, чувствуя, как внутри все в тугой узел завязывается от страха. Зря я, наверное, всю эту историю с белкой затеяла. Но кто же знал, что Асвера это так взбесит.

Настоящая причина его невменяемого состояния выяснилась только за обедом.

— Доигралась? — неодобрительно спросила Вельва, хлопнув подносом о стол и лишь чудом не расплескав содержимое чашки. — Ас сегодня совсем невменяемый ходит.

— А я-то в чем виновата? Откуда мне было знать, что у него такая нежная душевная организация. Как по ночам из могил трупы выковыривать, так это он спокойно делает, а как из кровати своей вполне пристойное тельце белочки вытащить, так сразу в истерику ударяется.

— Не он белку в кровати нашел, — сумрачно поведал присевший рядом с некроманткой Кемар, очень меня этим заинтриговав. Подавшись вперед, я приготовилась внимать. Заметив это, он лишь фыркнул, но мучить меня не стал: — Девицу он к себе привел. Из водниц. Та в кровати как что-то пушистое да холодное нащупала, так сразу веселую жизнь Асу и устроила. Мы ее визг все слышали. А уж потом, когда она осознала, что ей пощупать довелось... — Кемар хрюкнул, набрал побольше воздуха в грудь и выдал, не сдержав улыбки, — потоп она ему устроила. У него в спальне в один миг все стены плесенью покрылись. Бытовиков он сразу вызвал, те всю ночь с комнатой разбирались. А утром, когда все последствия ночного наводнения убрали, Асвер сразу тебя искать бросился.

Кемар говорил еще что-то, а я сидела тихонько и понимала, что конец мой все же пришел. Я ж не просто зломордому гадость устроила, я ж ему крупномасштабную гадость устроила. Мало того что приятного времяпрепровождения в компании хорошенькой стихийницы лишила, так еще и подмочила все что могла. А ведь ночью мне с ним дежурить. И это мы с ним наедине останемся. В морге. Мамочка.

— Он меня убьет, — упавшим голосом возвестила я, отодвигая подальше тарелку. Есть расхотелось.

— Мой тебе совет — извинись, — предложила Вельва, которая совсем не осознавала, что извинения меня совсем не спасут. Асвер меня и так на дух не переносит, а уж после такого!..

— Все равно убьет, — опутив плечи призналась я, — сначала выслушает, поглумится, а потом убьет. С особой жестокостью. Чтобы, стало быть, неповадно мне было.

* * *

В морг я опаздывала уже на пятнадцать минут. И это было совсем неудивительно. Идти на верную смерть отчаянно не хотелось. Но как бы я ни оттягивала неминуемое, как бы

медленно ни шла, двустворчатые двери из темного каленого металла все равно замаячили впереди слишком быстро.

А за ними, развалившись на стуле, закинув ноги на стол, сидел Асвер. Торжественно-мрачный, с горящими глазами и очень нехорошей улыбкой. Эверика поблизости уже не было.

— Заходи-заходи, ведьма, — нетерпеливо велел он, — и дверь за собой прикрой.

— Градэн, ты только успокойся, — попросила я, послушно выполняя требование, и тут же прикусила язык. Потому что глаза у него опасно вспыхнули и он прошипел:

— Я спокоен. Совершенно спокоен.

— Да? — Не поверив ему ни капли, я еще раз осмотрела напряженного некроманта, особое внимание уделив чуть подрагивающему носку левого сапога. — Значит, ты меня убивать не будешь?

Прижав к груди тяжелую книгу, сделала еще один шаг вперед и снова застыла. Выполнить все, что нам задали на завтра, я не успела, потому планировала пожертвовать несколькими часами сна и доделать задание. Это если повезет и убивать меня сейчас никто не будет.

— Еще не решил, — серьезно ответил он, а я сделала шаг назад. На всякий случай. Потому что пока он будет подниматься, чтобы меня убивать, я вполне могу успеть сбежать. А там затеряюсь в коридорах, пережду, а утром к директору пойду. Пускай он меня хоть на месяц в морг ушлет, главное, чтобы одну. Компания некромантской гадости меня очень тяготила. Особенно сегодня.

— Прекрати трястись, — потребовал он, убирая ноги со стола, и я, не выдержав, бросилась к дверям. Даже открыть их успела. Выскочить, правда, не удалось. Сбоку, на уровне моей головы, показалась вражеская конечность, надавила на створку двери, и та закрылась. Сокрушенно вздохнув, Асвер печально констатировал: — Сама напросилась.

Дальше случилось странное. Схватив меня за шкурку, мой убийца потащил несопротивляющуюся жертву в сторону кладовки, закинул внутрь и сам зашел, закрыв за собой дверь.

В кладовке было темно, но зажигать светлячка было страшно. И я не зажигала. И Асвер не спешил. Так и заговорил в темноте, видимо, рассчитывая, что от этого я стану разговорчивее:

— Кто?

— Эсь?

— Кто подбросил твою облезлую белку мне в комнату? — Светлячок вспыхнул неожиданно, заставив зажмуриться.

— Я совсем не понимаю, о чем ты говоришь. — Щуриться и одновременно честно смотреть на злого некроманта у меня не было возможности. Потому я просто щурилась.

— Кемар или Нагаш? Отвечай, ведьма, или обоим не поздоровится.

— Да чего ты подозрительный такой? Может, ты окно закрыть забыл, белочка случайно пробралась, бедное создание, да так у тебя в кровати лапки-то и сложила.

— Значит, признаваться не будешь?

— Ну я же у тебя не выпытываю, за каким-таким ты половину кладбища поднял, хотя прекрасно знал, что я там где-то по нему брожу. Совсем обнаглел и решил от меня избавиться?!

— Я же говорил, Тай напутал с амулетами: зарыл на кладбище не тот. Я не собирался от тебя избавляться. Там и умертвия должны были быть неопасные. Ты должна была просто

испугаться и выйти раньше отведенного срока, — попытался оправдаться он, но быстро осознал, что что-то не так, раздраженно дернул плечом и вернулся к неудобным вопросам: — Ты мне зубы не заговаривай. Белку зачем подкинула?

— А ты докажи, что это я. — Сжимая в руках тяжеленную книгу, я готова была пустить ее в ход, если понадобится.

— Такая идиотская идея только тебе в голову прийти могла. — Недовольный моей несговорчивостью, он сделал шаг ко мне. А кладовка маленькая, а шаги у него широкие, а я очень нервная.

А книга оказалась очень тяжелой. Тихо ойкнув, Асвер отшатнулся от меня, зацепил ведро и едва не свалился на пол.

И пока он звенел и ругался, я вывалилась на свободу, вот только побежала почему-то не к выходу. До него далеко было. А дверь в северную комнату была близко. Туда и бросилась, сжимая в руках верную книгу.

— Конец тебе, ведьма!

Крик, полный праведного негодования, меня лишь подстегнул. Потому, когда Асвер все же выбрался из кладовой, потирая пострадавший лоб, я уже давно пряталась за дальним столом с полуобглоданным трупом тролля.

— Дернул же меня бес с тобой связаться, — бесновался между тем некромант, разыскивая свою теперь уже точно жертву, — выходи немедленно! Я тебя убивать буду!

Нет, ну вот он нормальный вообще? Кто ж после такого выйдет? Да после такого все, что остается, — прятаться лучше да сидеть тише. Кажется, слишком сильно я его по голове приласкала. У него думалка и раньше плохо работала, а теперь и вовсе перестала.

— Ларс! — Дверь в комнату, где я пряталась, открылась с громким стуком. Зловещим таким. И голос кошмара моего, на всю голову стукнутого моими стараниями, разнесся по всей комнате:

— Сама выйдешь или мне тебя силой вытаскивать?

Трупы мирно лежали на своих столах, а вот я вздрогнула. Просто голос его до костей пробирал да так там и оставался, неприятным холодком растекаясь по мышцам. Я его в такой ярости раньше еще никогда не видела. С другой стороны, я его раньше так и не доводила ни разу.

— Сама напросилась, — зло выдохнул он, «помагичил» себе чего-то, и началось. Когда тролль, за которым я пряталась, пошевелил обглоданной до кости рукой, я лишь всхлипнула, не в силах толком вздохнуть. От ужаса волосы на голове встали дыбом.

Я ведь сразу поняла, что он сотворил. И лишний раз убедилась, что по голове зря его треснула. Потому что если бы не ударила, то он, наверное, еще думать был бы способен и точно не стал бы все трупы в комнате поднимать. С соседнего стола на меня захрипел тощий мертвяк без ног и с дырой в голове. Где-то рядом забулькал еще один оживленец.

А Асвер, довольный собой, велел:

— Притащите ее мне.

Сказал и вышел, прикрыв за собой дверь. А я осталась. И мертвяки тоже остались. И все как-то очень слаженно на меня посмотрели.

И я поняла: сейчас потащат. Пришлось самой выскакивать из комнаты с недружелюбно настроенными мертвяками, да прямо в крепкие объятия убийца. Вцепился он в меня как в родную и горячо любимую, да настолько любимую, что проще прямо сейчас придушить, чем любить дальше. Я захрипела, он ослабил хватку, а потом и вовсе отпустил, только в руку

вцепился и обратно в комнату потащил, к мертвякам, стало быть. Я почему-то сразу подумала, что он меня им сейчас на съедение отдаст. Очень плохо я о нем подумала. Но Асвер об этом не знал, иначе бы точно отдал. А так только велел копошащимся разложенцам:

— По местам. — И потащил меня обратно. К столу. На который усадил, нависая сверху. Хорошо хоть книгу отнять не пытался. За что ему большое спасибо. С ней мне как-то спокойнее было.

— Итак, я жду извинений.

— З-за что?

— За то, что голова твоя с мозгами никогда знакома не была, за то, что из-за этого только я и страдаю. За то...

Руки зачесались врезать ему еще разочек. Ради профилактики. Но я сдержалась, только вякнула:

— Мы сейчас о ком вообще говорим? Обо мне? Или о тебе?

— А ты как думаешь? — напряженно спросил он, прожигая меня взглядом.

— Как по описанию, так больше на тебя похоже, — честно призналась я. Асвер моей честности не оценил. Бледная щека нервно дернулась, и мне в лицо угрожающе прошипели:

— Еще одно слово, Ларс, и я тебя придушу. Потом подниму, и ты станешь самой послушной ведьмой на свете, — прошипел, на мгновение задумался и пораженно выдохнул: — Почему эта идея не пришла мне в голову раньше?

И я его треснула. Первым томом хроник становления западных земель прямо по больной голове.

— Уй!

— Это еще не «уй», — предупредила я, занося книгу для очередного удара, — вот сейчас будет... Ай!

Книгу отняли, а меня с силой впечатали в некромантское тело, и злой голос над ухом потребовал:

— Давай без рукоприкладства.

— Это было не рукоприкладство, — просипела я, ощущая, как протестующе трещат мои ребра в крепких объятиях. Вот лучше бы он был таким же задохликом, как все уважающие себя некроманты, — я к тебе книгу приложила, болезный.

— Ну ничего себе. — Веселый голос, раздавшийся от двери, заставил вздрогнуть нас обоих. — А я-то думаю, чего он каждый вечер в морг как на праздник идет, а оно здесь вон как все обстоит.

В дверях, широко улыбаясь, стоял Октай с неприлично довольным выражением на бледнющей морде.

— Ты что здесь делаешь? — Отпускать меня Асвер не спешил. Опасался, видимо, что я опять сбежать попытаюсь.

— Говорю же, довольный ты очень в морг ходишь, вот и стало мне любопытно. Решил посмотреть, что тут успело измениться. Раз тебе так наказание твое нравится. — Заметив мой несчастный взгляд, слишком жизнерадостный для некроманта Тай, помахал мне рукой.

— Посмотрел? Теперь вали, — недружелюбно велел Асвер, отбросив в сторону мою книгу. Та глухо хлопнулась на пол. За ее полетом следили все. За приземлением только я. Посмотрела, повздыхала и тоскливо призналась:

— Знаешь, Октай, а я тебе завидую.

От такого моего признания прифигели все. Асвер особенно. Я это всеми своими

ребрышками почувствовала и осознала, что раньше это он меня еще не сильно сжимал, а вот сейчас самое оно. Под таким прессом только на тот свет и отправляться. Осознала и молчать не стала, продолжая шокирующие признания:

— Ты вот свалить можешь без всякого ущерба для здоровья. А меня сейчас убьют.

— Кто тебя убивать собирается, безголовая? — хмуро спросил мой, собственно, убиец.

— А что ты сейчас делаешь? — Воздуха катастрофически не хватало. — Вот сейчас сожмешь посильнее, и можно будет меня уже на свободный стол класть. Только, пожалуйста, не в северную комнату. Мне там соседи не нравятся.

Какое-то из произнесенных мною слов было волшебным, иначе объяснить внезапно обретенную свободу просто невозможно. Я снова могла дышать. И как же это было прекрасно.

Ужасно было другое. После этого инцидента зломордый стал меня игнорировать. Напрочь позабыв о моем существовании, Асвер упрямо делал вид, что меня в морге нет. Вокруг сплошные трупы, которые молчат, и ни одной нервной целительницы, которая не знала, чего ждать от жизни и одного вредного некроманта, поблизости нет.

Впечатленная его поведением, я даже извиниться пыталась. Отчего все сделалось только хуже. Каждый вечер в морг я шла, как на персональную каторгу, а последнее дежурство и вовсе превратилось для меня в один сплошной кошмар. Асвер продолжал меня игнорировать, но как-то странно. Он не разговаривал, на вопросы не отвечал, на просьбы не реагировал. И только смотрел. Нехорошо так. Задумчиво.

Под утро я уже окончательно извелась, раскаялась во всем и планировала слезные извинения с заламыванием рук и утиранием сопливого носа некромантской мантией, когда в приемную, разгоняя гнетущую атмосферу, вошел сонный, все еще зевающий Эверик.

— Ну что, страдалцы, сейчас мы вас в последний раз отметим, и можете быть свободны.

Не вышедший из образа сурового молчуна, Асвер согласно кивнул, бросив на меня еще один тяжелый взгляд. Я вздохнула с облегчением, шмыгнула носом, которому знакомство с некромантской одежкой больше не светило, и, приободренная окончанием мучений, потребовала:

— Давай скорее. Умираю, ромашкового чаю хочу.

— Точно, тебе же этой ночью еще на поднятии умертвия присутствовать придется, — неправильно понял мое желание успокоиться Эверик.

Сказала бы я ему, что после недели в замкнутом пространстве с зломордым мне ни одно умертвие не страшно, но молчун подал голос, и признаваться хоть в чем-то резко расхотелось.

— Конечно, наказание ведь еще не закончилось, — задумчиво, как бы между прочим, сказал он, а мне вмиг поплохело.

— Мстить будешь? — тихо шепнула я, пользуясь моментом. Вдруг он с утра пораньше совсем разговорчивый стал и даже мне ответит.

— Зачем? С твоими талантами ты сама себе проблемы устроишь. А я полюбуюсь, — совершенно серьезно отозвался он, равнодушно разглядывая мою макушку, — даже не знаю, почему раньше об этом не подумал. Ты же просто ходячая катастрофа.

Наверное, мне должно было стать обидно, но вместо этого я чувствовала облегчение. Мстить мне он не собирается, а сама себе гадости устраивать я не планировала. Это уж точно.

Кто ж знал, что мои планы ни во что не ввязываться проблемы совсем не волнуют, и они с радостью готовы найти меня сами.

— Стоите на месте, ничего не трогаете, не дергаетесь, не ругаетесь, в обморок не падаете и ужин свой окружающим не демонстрируете, — широко улыбаясь и подняв глаза к ночному небу, Диар — аспирант, которому предстояло выманивать разложенца из могилы, попутно донося до нас неразумных основные принципы этого неприглядного занятия, — заученно грузил всеми «не», которые мы не должны были делать, — не мешаете стоящим рядом запоминать основные принципы поднятия умертвия и сами все усиленно запоминаете. Ясно?

Нестройный хор нервных первокурсников был ему ответом. Я дальновидно промолчала, справедливо полагая, что как целительница вполне могу не придерживаться этих их некромантских правил.

— Приступайте, — велел директор, стоявший чуть в стороне и внимательно наблюдавший за всем происходящим. Топтавшийся рядом с ним Фьяллар периодически зевал, вертел головой и совершенно не пытался скрыть своей скуки. Что он делал на кладбище среди ночи, никто не знал, но предположение имелось. Только одно, правда, и все оно сводилось к тому, что недоверчивый магистр не пожелал оставлять свою студентку среди неблагонадежных некромантов одну.

Лично я в это слабо верила: с неблагонадежными трупами он меня спокойно оставлял. Даже сам эту идею директору подал. Но меня никто не слушал, заставляя смириться с невозможным.

Диар зашевелился, быстро подготавливая могилу к поднятию.

Черный огонь уже горел в чаше, и круг был готов, когда за моей спиной раздался ехидный шепот:

— Развлекаешься, ведьма? Имей в виду: это умертвие должен поднять Диар. Не ты.

Не вздрогнула лишь чудом, а локтем под дых Асверу не заехала исключительно благодаря быстрой реакции зломордого. Недовольно скривилась, но тут же поспешно сделала вид, будто ничего тут не происходит и я усиленно внимаю Диару, который уже начал что-то бубнить речитативом. Покосившийся на нас с подозрением Фьяллар отвернулся, но медленно, всем своим видом обещая следить за расстроившей его студенткой.

Колотить в таких условиях наглых некромантов не было никакой возможности. Потому я просто прошипела, не отрывая сосредоточенного взгляда от могилы:

— Ты что здесь забыл?

— Посмотреть пришел, что ты на этот раз натворишь. Слишком сложные отношения у тебя с умертвиями, чтобы сегодняшняя ночь прошла спокойно, — прошептал он, склонившись к моему уху. И мне сразу, как-то некстати, захотелось почесаться.

— Можешь даже не надеяться, — не сдержавшись, поскребла ногтями щеку, которую все еще согревало чужое дыхание, — я сегодня все предусмотрела. Буду стоять и не шевелиться, пока все не закончится.

Асвер хмыкнул и отстранился, шепнув напоследок:

— Посмотрим.

Диар заканчивал обряд, огонь в чаше вспыхнул, черные языки пламени наливались зеленым светом. Амулет у меня на шее начал нагреваться. Угрожающе так.

Пощупав беспокойный камешек через плотную ткань утепленной рубашки, я

неуверенно переступила с ноги на ногу, беспомощно посмотрела на директора, все свое внимание уделявшего аспиранту, на магистра, который тоже заинтересовался творящимся на могиле безобразием, и тихонечко выдохнула.

— Сень, ты чего? — Вездесущий некромант мое состояние заметил. Вот только ему признаваться в чем-то совсем не хотелось.

Еще раз пощупав скрытый под одеждой камешек, я застегнула курточку на все пуговицы и тихо спросила, надеясь отвлечься от происходящего:

— Градэн, вот ты скажи, почему ты умертвий поднимаешь без всяких ритуалов? И директор тоже не заморачивается всем этим. Почему остальные так не могут?

— Инициация, в этом все дело. Любой некромант, прошедший инициацию, способен на такое.

Я еще раз бросила любопытный взгляд на директора. Белесой шевелюрой он похвастаться не мог, в отличие от притаившегося за моей спиной зломордого, вместо этого пугал высветленными до светящейся белизны глазами.

Камень уже обжигал кожу, когда ритуал закончился. И снизил температуру до приятной теплоты, когда среди промерзлой земли показалась грязная рука. Диар пораженно хмыкнул, с гордостью глядя на своего бодрого мертвячка, который споро раскапывался.

Видимо, происходило что-то необычное, но приятное, раз даже директор расщедрился на одобрительную улыбку, а Фьяллар во все глаза смотрел на выползавшего из могилы разложенца.

Некроманты возбужденно перешептывались, и только я не понимала, что происходит и почему мертвяк такой бодрый. И почему он не стоит на месте, а пытается что-то найти, водя плешивой головой по сторонам.

А уж когда он захрипел и подался вперед, почему-то в мою сторону, и вовсе начала подозревать недоброе.

— Стой, — это, стало быть, Диар попытался призвать свое умертвие к порядку и очень удивился, когда тот сделал совершенно противоположное. Вместо того чтобы замереть на месте, в ожидании дальнейших приказов, он бросился на меня с сиплым хрипом. Расстояние в пять шагов преодолел за секунду, ему оставалось еще шага три, когда я не выдержала, забыв о своем намерении стоять на месте и не шевелиться.

Отшатнувшись назад, налетела на стоявшего за мной Асвера, чуть не свалилась вместе с ним на землю, вывернулась из его рук и припустилась прочь, чувствуя, как несется за мной слишком резвое для своего положения умертвие.

Несшиеся вдогонку приказы Диара умертвию и магистра — мне я уже не слушала. И ругательства Асвера пропустила мимо ушей. Все это заглушал воодушевленный хрип разложенца за спиной.

Остановить его не смогли ни приказы аспиранта, ни магическое вмешательство директора. Притормозил он лишь у дерева. Просто забраться вслед за мной на высокую пихту был не в состоянии. Потому бродил вокруг, сипел на меня обиженно, но ничего поделать с недосыгаемой жертвой не мог.

А я сидела на ветке, прижимаясь щекой к шершавому стволу, и восхищалась собой. До земли было метра три, если не больше. И как я смогла забраться на такую высоту, не имела ни малейшего понятия. Ветки располагались очень далеко друг от друга, и я должна была по меньшей мере уметь летать, чтобы забраться туда, куда смогла забраться.

Забеспокоился мой упорный преследователь, лишь когда среди деревьев показался

директор, прибывший на место первым. Оглядев представшую его взору картину, он пощелкал пальцами, рассыпая вокруг красные искры. Разложенец растерянно гукнул, но упокаиваться не стал. Только интерес к Хэмкону потерял, вновь глядя только на меня. А мне такое внимание совсем не льстило, но кого это вообще волновало?

— Странно, — пробормотал директор и еще пару раз щелкнул пальцами. Красные искры посыпались интенсивнее, а разложенец начал нервничать. Угукнув мне что-то, он бросился в сторону отвлекавшего его некроманта.

Я сдавленно охнула, Хэмкон ругнулся на непонятном языке. Хотя не исключено, что это просто заклинание было. Подозреваю, от простого ругательства умертвие не свалилось бы к ногам некроманта безвольным кулем, под шум ломаемых веток.

Когда к моему дереву подоспели и другие, мертвяк уже снова был совсем мертвяком, а я все еще сидела на ветке, не имея возможности спуститься. Сидела и тихо ненавидела Асвера, виня во всем его. До появления на кладбище зломордого все же в порядке было. Только потом беспредел твориться начал.

Когда подоспело подкрепление и меня начали снимать общими усилиями, директор тихо смылся от греха подальше, прихватив с собой уже совершенно смирный труп, который спокойно поковывлял вслед за ним. Очень напоминая мне дергаными, резкими движениями не так давно упокоенного орка.

И пока труп, очень желавший познакомиться со мной, закапывался в свою могилу где-то там, где-то здесь я все еще сидела на дереве. И некоторым это очень не нравилось.

— Ларс! Спускайся оттуда немедленно! Не позорь мои седины! — надрывался снизу Фьяллар, которому снисходительные смешки зеленых некромантов за спиной мешали ровно дышать.

— У вас нет седин, — уличила я магистра в обмане, плотнее прижимаясь к стволу дерева. Сейчас, в данный момент, именно в эту минуту, я любила это дерево преданно и страстно. И готова была бы задушить в объятиях, окажись такое возможно.

— Я сказал — спускайся! — бесновался Фьяллар, не понимая, что мой инстинкт самосохранения отключился аккурат в ту минуту, как я оказалась вне пределов досягаемости озверевшего мертвяка. Теперь я вряд ли смогла бы спуститься с такой-то высоты, не переломав свои кости, о чем и сказал самый сообразительный студент:

— Да она, наверное, не может. — Сочувствие в его голосе было особенно приятно слышать. Хоть кто-то не смеялся над моей проблемой.

— Что значит не может? — взъелся уже на некроманта беспокойный магистр. — Забраться же туда смогла. Ларс, если ты сейчас же не слезешь, будешь месяц дежурить в морге, — не дождавшись от меня ответа, повысил ставки, — два месяца!

Очень хотелось нахамить магистру, обозвать его садистом и рассказать, что я думаю о таких методах обучения, благо с такой высоты это было бы совершенно безопасно. На данный момент. Но я молчала, прекрасно понимая, что рано или поздно окажусь внизу.

— Итак? — Никогда не думала, что буду так рада появлению директора.

— Висенья все еще слезть не может, — сдал меня кто-то из некромантов, опередив возмущенного магистра. Фьяллар выдохнул, хмыкнул и спросил:

— Что с умертвием?

— В могиле, — и так это было сказано, что стало немного жаль разложенца, который так настойчиво пытался меня схарчить. Теперь-то ему уже вряд ли когда-нибудь вновь удастся побродить по земле. Мертвячки у директора второго шанса, как правило, не

получали.

— Сень, слезай. — Асвер, который до этого момента только наблюдал за всем, подошел к дереву, встав очень удобно. Руки зачесались. Жутко хотелось стащить сапог и бросить его вниз. Даже со своим уровнем меткости я бы попала. Достаточно было бы просто пустить снаряд в свободное падение. Но делать этого я не стала. Сидеть на дереве в одном сапоге было бы совсем невыносимо, — это уже не смешно.

— И как ты себе это представляешь? Может, мне прыгнуть? — огрызнулась я, сильнее прижимаясь к дереву.

— А прыгай, — легко согласился он, — я тебя поймаю.

— Совсем больной, — тоскливо поделилась я очевидным с сухим сучком, располагавшимся на уровне моего плеча.

— Огден, некромантов твоих уже пора уводить, — пока зломордый пытался сманить меня с дерева, магистр перенес свое внимание на первокурсников, — хватит для них впечатлений на одну ночь.

— Сами справитесь? — с сомнением обзрев мою персону, спросил директор.

— Конечно! — беспечно отмахнувшись от всех возможных неприятностей мой дорогой декан кровожадно улыбнулся. — Она сейчас как миленькая спустится. Или я ее таким количеством наказаний завалю...

— Ууух, — несчастно поделилась я своим мнением сверху.

— Я останусь и помогу, — предложил Диар, который чувствовал свою вину за все, что со мной приключилось.

— Хорошо. — Оставив меня на попечение не очень дружелюбного магистра, не очень знакомого мне некроманта и откровенно развлекающегося зломордого, директор увел своих студентов назад в академию. В тепло.

— Иэээх, — прижавшись щекой к коре, я зажмурилась. Себя было жалко до слез.

— Ларс, — вновь начал магистр, но его перебил деятельный Диар:

— Давайте я к ней поднимусь, помогу спуститься. Сама она вряд ли справится.

— Чтобы потом вас двоих оттуда пришлось снимать? — мрачно спросил Асвер, мгновенно потеряв где-то все свое хорошее настроение.

— Не мешай, Градэн, мне эта негодяйка здесь нужна. Я ее сейчас воспитывать буду.

После слов магистра спускаться мне расхотелось совсем. Но Диара такие мелочи мало волновали. Он полез за мной. Споро так полез, не обращая внимания на те препятствия, которые мешали мне слезть.

До меня добрался быстро и оптимистично предложил:

— Давай спускайся, я подстрахую, — ветка, на которой я сидела, находилась на уровне его груди, что рождало некоторые сомнения, — главное — спуститься на нижнюю ветку. Дальше будет проще.

— Она далеко, — помахав ногами в воздухе, я недоверчиво глянула вниз.

— Ну сюда же ты как-то умудрилась забраться, значит, и спуститься сможешь.

— Конечно, смогу, — раздраженно согласилась я, — вот если ты затащишь сюда какого-нибудь оживленца, я обязательно смогу спуститься.

Диар засмеялся легко и заразительно, а с земли послышалось раздраженное:

— Вы там гнездо вить собрались? — Асверу спокойно не сиделось.

— А неплохая идея! — зло крикнула ему и уже тише призналась Диару: — Остаюсь вить гнездо. Все равно не смогу спуститься.

— Это мы еще посмотрим, — бодро ответил он.

А в следующее мгновение я убедилась в том, что все некроманты злостные садисты. Диар, не предупреждая о предстоящей подставе, ухватив несчастную меня за талию, потянул вниз. Я не визжала, сипела только полузадушенно, мертвой хваткой вцепившись в его плечи.

И не смогла разжать пальцы, даже когда оказалась на одной с ним ветке.

— Висенья, отпусти, пожалуйста. Мне так неудобно — Цепляясь за мой недавний насест и неудобно склонившись вперед, он послушно ждал, когда я его отпущу и мы продолжим спуск. А я не могла.

— Знаешь, должна тебе признаться, — прошептала я срывающимся голосом, — я высоты до ужаса боюсь.

— И как же ты в таком случае сюда забралась? — терпеливо спросил он, продолжая держаться за ветку одной рукой, чтобы не упасть. Второй все так же придерживал меня, чтобы уже я не свалилась вниз, Асверу на радость.

— Наверное, умертвий боюсь больше, — предположила я самый логичный вариант, с трудом разжимая пальцы.

Диар хмыкнул, оценил мой героический поступок по достоинству и, велев держаться, выпустил меня из рук, чтобы спуститься на ветку ниже и перетащить меня к себе.

Кошмар этот продолжался минут пять, пока я не оказалась на самой нижней ветке, а спаситель мой, спустившись на землю, не велел:

— Прыгай, поймаю.

— Сама справится. — Кошмар, который другой, белобрысый и злобный, оттеснил Диара в сторону и потребовал, глядя на меня снизу вверх: — Спускайся, пернатая, рассвет уже скоро, только тебя и ждем.

— Градэн, отстань от моей студентки, — сурово велел Фьяллар, после чего обратился ко мне и потребовал того же, чего от меня Асверу надо было: — Прыгай, Ларс, тут невысоко.

— А давайте, вы все уйдете и вернете мне Диара. И он меня поймает, — предложила я робко, глядя на них. Сверху вниз смотреть было приятно. Я себя сразу такой значимой почувствовала. Важной. Вот только слушать их неприятно было.

— Сама напросилась, — печально вздохнул Асвер и хлопнул в ладоши. Дерево вздрогнуло, а вместе с ним и я. Вздрыгнула и свалилась.

Расслабилась, почувствовав близость земли. Перестала цепляться за дерево. Вот и поплатилась. Приземление, впрочем, было довольно мягким. Меня все же поймали.

Не тот, кто хотелось бы, но в подобной ситуации жаловаться не приходилось.

— Довольна? — поинтересовался мрачнющий Асвер, сверкая на меня своими гляделками.

Завороженно глядя, как в черных глазах рождаются красные всполохи, я кивнула. Зломордый усмехнулся, чтобы тут же скривиться. Ведь кивнуть-то я кивнула, но не молчала, полностью деморализовав окружающих своим поведением:

— Не очень. Поставь меня на ноги, пожалуйста.

В шоке от моей непоследовательности были все. Я могла собой гордиться.

— Ведьма, — недовольно выдохнул он, отпустил, даже на шаг отошел, показательно отерев ладони о штаны.

А дальше всех нас поразила небольшая такая армия разложенцев. Очень небольшая, но очень мертвая, бодро пробиравшаяся к нам через кусты и всякие другие препятствия растительного происхождения.

— Рано Огден ушел, — пробормотал магистр, глядя на это дело. Диар, который тоже впечатлился, но был уже аж аспирант и с оживленцами дело имел часто, быстро принялся чертить круг толстой веткой, что-то нашептывая. Посмотрев на это, магистр одобрительно хмыкнул. Он откуда-то знал, что творит некромант. И Асвер тоже особо беспокойства не выказывал. Даже поторопить сподобился. Одна я не понимала, чего они все стоят, когда бежать надо. Не понимала, но бежать не торопилась, отступила только на пару шагов назад, не в силах стоять на месте.

И вот не очень удачно я отступила. Потому что тех, что были спереди, мы видели хорошо благодаря лунному свету, легко проникавшему сквозь редкие деревья, и яркому светлячку магистра, мерцавшему высоко над головами. А что происходит сбоку, никто из нас не видел. Зато разложенцы все очень хорошо видели. И меня они тоже хорошо видели. И пообщаться очень хотели. Потому, когда слева раздались характерный треск ломаемых веток и хрип общительного мертвяка, я машинально отшатнулась в другую сторону и наткнулась на еще одного оживленца.

Взвизгнув, привлекла к себе внимание и, не разбирая дороги, бросилась бежать. Резвые умертвия припустились за мной. Не все, только те, что смогли выбраться из бурелома. А таких было довольно много.

Мысль о том, что за эту ночь я вполне могу сдать нормативы по бегу, пришла ко мне уже позже. Когда я начала задыхаться.

Именно тогда за спиной и раздалось повелительное:

— Стой!

Да какое тут стой, когда кругом нежить и бежать надо без оглядки.

— Стой, кому сказал, — упрямая некромантская гадость продолжала преследование, перегнав всех оживленцев, обещая в скорости и меня обогнать.

Не желая «обгоняться», я решительно поднажала. И вот лучше бы я этого не делала. Нет, скорость я прибавила и почувствовала, как открывается второе дыхание. А потом почувствовала, как земля уходит из-под ног и я лечу носом вперед.

Свалилась в опавшую листву, чувствуя, как ладони колют сосновые иголки, и ткнулась носом в скрытый под листвой мох. Всхлипнула, потому что на полноценный вскрик не хватило ни сил, ни воздуха, и попыталась встать. Налетевший сзади некромант не позволил этого сделать.

Свалился сверху, придавив мое тело к земле и жарко зашипел в волосы, сильнее вжимая меня в прелую листву.

— Зараза мелкая. Пакость рыжая. Ведьма злокозненная, Анорой в наказание мне посланная, — шептал он срывающимся голосом, воюя с моими локтями, — прекрати драться, чудовище!

— Слезь... слезь с меня, — с трудом выталкивая из себя слова, я удивительно четко слышала стук чужого сердца. В отличие от моего, оно билось сильнее, будто о грудную клетку изнутри булыжником колотили.

Но это было неважно. Важно было другое: оживленцы были совсем рядом, я уже отчетливо слышала хриплый рык и шелест листвы под их ногами. Еще раз дернувшись, я тихо всхлипнула.

— Не реви, ведьма. Сейчас они мимо пройдут, и мы на кладбище вернемся, — пробормотал он, удобнее расположившись на моем теле, — я всех сразу упокоить не смогу. Переждем. Ближе к некроманту они сейчас точно не подойдут. Ими никто не управляет, а

чувство самосохранения даже у них есть.

— Ммм. — Я не хотела пережидать. Я хотела в общагу к Вириэль и чашке горячего чая с медом. А не бегать по прикладбищенскому лесу, распутивая жить и улепетывая от нежити.

Переждать не получилось. Не доходя до нас всего пары шагов, разложенцы начали останавливаться. Будто на преграду невидимую натыкались.

— Что за? — Асвер завозился, еще немного раскатав мое тело по земле, приподнялся на локтях, оборачиваясь. Выругался и поднялся, нагло велел мне лежать на месте.

И ведь осталась лежать, дожидаясь разрешения подняться. А его все не было. И не было.

Вот звук его шагов я слышала отчетливо, а разрешения встать не было.

И я не выдержала. Поднялась самостоятельно. Отряхнулась от листьев и сосновых иголочек, осмотрелась и тихонечко присвистнула.

Умертвий было много. Целый отряд бодреньких оживленцев разной степени разложения.

И все они невидяще смотрели вперед, чего-то ожидая.

Я отступила на шаг назад. Просто оступилась случайно и сделала шаг, стремясь удержать равновесие.

Камушек на груди снова чуть нагрелся, а разложенческий отряд слаженно шагнул вперед.

Асвер, бродивший среди поднятых, хрипло ругнулся, я тоже едва удержалась от восклицания.

Быстро расстегнула верхние пуговицы на рубашке и вытянула на свет камушек.

Как только пальцы коснулись шершавой поверхности скола, все оживленцы упали как подкошенные, и только зломордый стоял между ними, удивленно озираясь. Заметил меня, оценил по достоинству расстегнутую до середины груди рубашку и только после этого заметил камешек, который я сжимала.

Глаза его с азартом вспыхнули, и он в одно мгновение оказался рядом, выхватывая из моих рук неведомую вещь.

И тут же с тихим шипением ее выпустил, дую на обожженные пальцы:

— Жжется, зараза. Что это?

— К-камушек. — Тела лежали и не шевелились. Вот совсем. Как будто это не они сейчас за нами гнались и не от них я тут по лесу носилась.

— Соберись, бездумная, откуда он у тебя? Раньше что-нибудь необычное случалось?

— В морге, когда орк поднялся, он тоже немного нагрелся, — послушно ответила я и только после этого возмутилась, — и что значит «бездумная»?!

— Камень никому не показывай. И что здесь случилось, тоже в секрете держи, поняла?

— Градэн...

— Сень, я сейчас предельно серьезно. Пока мы не узнаем, что это за камень такой, никому лучше о нем не знать, — серьезно заговорил он, заглядывая мне в глаза, — я не знаю как, но судя по всему, тебя оно воспринимает как хозяина.

— Ммм? — Только хозяйкой булыжника я еще и не была.

— Он обжег меня, значит защищается.

— Асвер, а во что я влипла? — спросила почти спокойно, потому что это его «пока мы не узнаем» вселяло небольшую надежду. Не одна, и ладно.

— А что б я знал. — Невесело усмехнувшись, он обернулся, к чему-то прислушиваясь. Невдалеке послышались голоса. Кажется, нас уже искали. Вновь уделив мне внимание, Асвер

больно сжал мои плечи, притянул ближе и тихо прошептал, обдавая лицо горячим дыханием. — Безделушку спрячь и никому ничего не говори. Объясняться сам буду. Ты ничего не поняла и очень испугалась. Что стало с умертвиями — не знаешь. Ясно?

— Да куда уж яснее? — искренне отозвалась я, нервно улыбаясь. — Даже врать не придется.

— Умница.

Быстро коснувшись прохладными губами моего лба, он поспешно отступил, развернулся и направился на звук, бросив мне:

— Пошли.

А я стояла и пыталась справиться с шоком. Что только что случилось, не понимала совсем. Вот категорически. Он меня умницей назвал. Правда назвал. Этот день нужно срочно отметить в календаре.

А ведь если кому скажу, никто же не поверит.

— Живые, — облегченно выдохнул Фьяллар, выныривая из темноты.

— Да что с нами сделалось бы, — беспечно отмахнулся Асвер, стряхнув с груди прицепившийся листок, — это студентка ваша с головой не дружит, а я вполне осознавал происходящее.

— Она целительница, вполне понятно, что испугалась. Не привыкла к подобному, — вступился за меня Диар, которого я уже тихонечко обожала.

— Раз вы пошли нас искать, значит, умертвия, что с вами остались, тоже самостоятельно упокоились? — проигнорировал Диара зломордый.

— Они с нами и не оставались, — магистр выглядел пораженным и растерянным, — как только на свободу выбирались, сразу за вами следовали. Но те, что не успели уйти, шевелиться прекратили одновременно.

[Купить полную версию книги](#)